

Вальтер Скотт

Роб Рой

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Вальтер Скотт

Роб Рой

«ФТМ»

1817

Скотт В.

Роб Рой / В. Скотт — «ФТМ», 1817

ISBN 978-5-4467-3026-1

«Больше душ убито серебряной монетой, чем тел обнажённым мечом», — произносит главный герой одноимённого приключенческого романа известного шотландского писателя, поэта, историка и основоположника жанра исторического романа Вальтера Скотта (1771–1832). Роман Вальтера Скотта «Роб Рой» о национальном герое Шотландии и «благородном разбойнике» с самой первой публикации в 1817 году стал одним из любимых приключенческих романов и вошёл в классику мировой литературы. Роман «Роб Рой» рекомендован Министерством образования РФ для внеклассного чтения.

ISBN 978-5-4467-3026-1

© Скотт В., 1817

© ФТМ, 1817

Содержание

Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вальтер Скотт

Роб Рой

*А почему? Закон простой
Они хранят с былых времен:
Пусть тот берет, кто всех сильнее,
И пусть владеет он.*

Вордсворт, «Могила Роб Роя»

Введение

Когда автор задумал это новое посягательство на терпение снисходительной публики, его несколько смутил вопрос о заглавии: в литературе хорошее имя так же важно, как и в жизни. Заглавие «Роб Рой» предложено было покойным мистером Констеблом, чья проницательность и опытность позволили ему предугадать, что книга завоюет признание читателя.

Самое лучшее введение, какое можно предпослать настоящей повести, – это очерк жизни того замечательного человека, чье имя значится на заглавном листе и чья слава, добрая или дурная, заняла в народной памяти удивительно прочное место.

Этого нельзя приписать его знатности, потому что он хоть и был дворянином, но не высокого рода, и рождение само по себе еще не давало ему прав на главенство в клане. И подвиги его, хоть и был он предприимчив и жил беспокойной и деятельною жизнью, не могли равняться с подвигами других разбойников, не стяжавших большой известности. Своей славой он был в значительной мере обязан тому обстоятельству, что проживал у самой границы Горной Страны и в начале восемнадцатого столетия разыгрывал такие штуки, какие приписывают обычно Робин Гуду в средние века, – и это в сорока милях от Глазго, большого торгового города с почтенным университетом! Человек этот, дикой доблестью, тонкой хитростью и необузданным своеволием своим затмевавший американского индейца, жил и процветал на шотландской земле в золотой век королевы Анны и Георга I. Аддисон или Поп, по всей вероятности, сильно удивились бы, узнав, что на одном острове с ними живет личность, подобная Роб Роя, – столь странного нрава и занятий. Эта резкая противоположность между утонченной, цивилизованной жизнью по одну сторону границы Горной Страны и беззаконными, дикими похождениями, какие спокойно замышлял и совершал человек, проживавший по другую сторону этого воображаемого рубежа, создавала живой интерес вокруг его имени. Потому-то даже и сейчас

Вдали, вблизи, в лугах, в горах
Сердца полны мечтой одной,
И загораются глаза
При имени Роб Рой.¹

У Роб Роя был ряд преимуществ, позволивших ему обратить в преимущество и ту роль, которую он для себя избрал.

Среди них самым замечательным было его происхождение из клана Мак-Грегоров и прочная связь с этим кланом, знаменитым своими несчастьями и неукротимостью духа, заставлявшей его отстаивать себя как единый клан, целостный и сплоченный, наперекор самым

---

¹ Перевод Б. Томашевского.

суровым законам, применявшимся с неслыханной жестокостью против всякого, кто носил это запретное имя. История Мак-Грегоров повторяет историю многих коренных кланов Северной Шотландии, которые были подавлены более сильными соседями и либо истреблены, либо вынуждены ради права на жизнь отказаться от своего родового имени и принять имя своих победителей. В повести о Мак-Грегорах характерно то упорство, с каким они в самых крайних обстоятельствах сохраняли свою самостоятельность и клановое единство. История племени сводится в основном к нижеследующему (впрочем, мы должны оговориться, что наш рассказ основан во многом на предании, а потому, за исключением тех случаев, когда мы ссылаемся на письменные документы, его нельзя признать вполне достоверным).

Мак-Грегоры притязают на происхождение от Грегора, или Григория, который был будто бы третьим сыном Алпайна, короля скоттов, царствовавшего около 787 года. Поэтому их первоначальное родовое имя было Мак-Алпайны, и обычно клан их именуется кланом Алпайн. Один из их родов по сей день сохраняет это имя. Он числится среди древнейших кланов Верхней Шотландии, и не подлежит сомнению, что племя это – кельтского происхождения и одно время владело обширными землями в Пертшире и Аргайлшире, которые оно неразумно продолжало удерживать в силу *coir a glaive*, то есть по праву меча. Между тем его соседи, графы Аргайлы и Бредалбейны, ухитрились включить занятые Мак-Грегорами земли в те дарственные грамоты, которые они легко получали от короля, и таким образом создали для себя юридическое право владения, не слишком сообразуясь с его справедливостью. Каждый раз, как представлялся случай потеснить или истребить соседей, они кое-что прирезали к своим владениям, присваивая под видом королевского дара земли менее цивилизованного соседа. В ограблении клана Мак-Грегоров, говорят, особенно преуспевал некий сэр Дункан Кэмбел из Лохоу, известный в Шотландских горах под именем Донаха Дунах Хуррейда, то есть Черного Дункана Капюшона, ибо ему угодно было щеголять таким головным убором.

Обреченный клан, постоянно несправедливо сгоняемый со своих земель, отстаивал свои права силой и не раз добивался победы, которой пользовался довольно жестоко. Такое поведение, хоть и естественное для той страны и того времени, нарочито изображалось в столице как следствие неукротимой и врожденной жестокости, против которой якобы не было другого средства, как только обрубить корни и ветви племени Мак-Грегоров.

Акт Тайного совета, изданный в Стерлинге 22 сентября 1563 года, в царствование королевы Марии, дает право самым могущественным лордам и предводителям кланов преследовать клан Мак-Грегоров огнем и мечом. Подобный приказ от 1563 года не только предоставляет те же полномочия сэру Джону Кэмбелу из Гленорхи, потомку Дункана Капюшона, но запрещает верноподданным принимать под свой кров кого бы то ни было из клана Грегоров, помогать им или давать под каким бы то ни было предлогом еду, питье или одежду.

Жестокое деяние клана Грегор, совершенное им в 1589 году, – убийство Джона Драммонда из Драммондерноха, лесничего королевских лесов в Гленартни, – приводится везде и всюду со всеми страшными подробностями. Голову убитого отрубили, и клан поклялся над нею нести круговую поруку за преступление. Это вызвало новый акт Тайного совета, с призывом к новому крестовому походу против «дурного клана Грегор, издавна погрязающего в крови, убийствах, воровстве и грабеже»: этим актом выдавались патенты на преследование клана огнем и мечом сроком на три года. Освещение этого частного факта читатель найдет во введении к «Легенде о Монтрозе».

Немало было и других случаев, когда Мак-Грегоры выказывали презрение к закону, который часто жестоко преследовал их и никогда не брал под защиту. Пусть они постепенно лишались своих владений и всех обычных средств добывать себе пропитание, но все же нельзя было ожидать, что они спокойно умрут с голода, пока у них оставалось последнее средство – отбирать у пришельцев то, что они по праву почитали своим. Так изошрились они в хищных набегах и свыклись с кровопролитием. Их страсти легко воспламенялись, и при некотором давлении со

стороны могущественных соседей нетрудно было, по красочному шотландскому выражению, «натравить» их на любое беззаконие, из которого хитрые подстрекатели извлекали выгоду, а вся вина и кара оставалась на долю невежественных Мак-Грегоров. Эту политику подстрекательства диких горных и пограничных кланов к нарушению мира в стране историки считают опаснейшим знаменем своего времени и видят в Мак-Грегорах ее послушное орудие.

Несмотря на суровые преследования, осуществлявшиеся точно так, как они были замыслены, кое-кто из Мак-Грегоров еще удерживал владения, и в 1592 году клан числит своим вождем Алластера Мак-Грегора из Гленстрэ. Говорят, он был смел и предприимчив, но, судя по его предсмертной исповеди, кажется, заводил частые и отчаянные ссоры; одна из них в конечном счете оказалась роковой для него и для многих его приверженцев. То была знаменитая битва при Гленфруне, у юго-западного берега Лох-Ломонда, в окрестностях которого Мак-Грегоры еще удерживали власть по *coig a glaive*, то есть по праву сильнейшего, как упоминалось выше.

Мак-Грегоры вели долгую кровную вражду с лэрдом Луссом, главою Колкухунов, могущественного рода, обитавшего у нижнего края Лох-Ломонда. Согласно рассказу Мак-Грегоров, ссора началась с пустяка. Два человека из клана Мак-Грегоров, застигнутые ночью в пути, попросили пристанища в доме, принадлежавшем вассалу Колкухунов, и получили отказ. Тогда они прошли во двор, захватили на овчарне легченого барана, зарезали его и зажарили себе на ужин, предложив будто бы плату его владельцу. Лэрд Лусс схватил обидчиков, совершил над ними быстрый суд на правах феодального владельца, вынес им приговор и обоих казнил. Объясняя так причину вражды, Мак-Грегоры ссылаются на свою ходовую поговорку, проклинающую день и час, когда овца объяснилась черным бараном с белым хвостом (*Mult dhu an Carbail ghil*). Мстя за эту обиду, лэрд Мак-Грегор собрал свой клан (человек триста – четыреста) и двинулся на Лусс с берегов Лох-Лонга через так называемый Рейд-на-Гэл, то есть Ущелье Горца.

Сэр Хамфри Колкухун заблаговременно узнал о нашествии и собрал большие силы, численностью более чем вдвое превосходившие противника. С ним были джентльмены из рода Бьюкэнан, Грэмы, некоторые другие дворяне из Леннокса и отряд горожан из Дамбартона с Тобиасом Смоллетом во главе, городским советником, или бейли, – предком знаменитого писателя.

Стороны встретились в Гленфруне, что означает Ложбина Печали, – название, предвещавшее, казалось, события этого дня, рокового для побежденных, но не менее скорбного и для победителей, ибо «нерожденные младенцы» клана Алпайн имели все причины пожалеть о нем. Мак-Грегоры оробели при виде превосходных сил неприятеля, но в них вдохнул бодрость их кудесник, или ясновидец, изрекши, что вместо противников он видит закутанных в саван мертвецов. Клан яростно обрушился в лоб на врага, в то время как Джон Мак-Грегор с сильным отрядом предпринял внезапную атаку с фланга. Войско Колкухунов состояло в своем большинстве из конницы, которая не могла развернуться в болотистой местности. Говорят, что они мужественно оспаривали поле, но в конце концов были наголову разбиты, и тогда началось нещадное избиение обращенного в бегство неприятеля, который потерял на поле сражения и при этом преследовании две или три сотни человек. Если верно предание, что Мак-Грегоры в этом бою потеряли убитыми только двух бойцов, то у них не было серьезного повода к слепой резне. Их ярость, говорят, распространилась на толпу студентов-богословов, неосторожно явившихся посмотреть на битву. Этот факт сомнителен, так как судебный приговор против вождя клана Мак-Грегоров умалчивает о нем, равно как и историк Джонстон и профессор Росс, описавший битву двадцать девять лет спустя. Однако местное предание неизменно утверждает свое, и скала, на которой совершилось это дело, зовется Лек-а-Министейр, то есть Могильный Камень Священников. Мак-Грегоры приписывают это злое дело жестокости одного человека из их племени, славившегося своим ростом и силой, некоего Дугалда, по прозвищу Киар-Мор, то есть Великан Мышиной Масти. Он был молочный брат Мак-Грегора, и вождь отдал

юношей под его надзор, с наказом не отпускать их, пока не кончится битва. Из опасения ли, что они убегут, задетый ли их насмешками над его племенем или просто в жажде крови, этот дикарь, когда остальные Мак-Грегори пустились преследовать неприятеля, заколол своих беспомощных и безоружных пленников. Когда предводитель, вернувшись, спросил, где юноши, Киар-Мор поднял свой окровавленный кинжал и сказал по-гэльски: «Спроси его – и да хранит меня Бог!» В этих последних словах заключен намек на призывы его жертв к Божьей мести в час убийства. Поэтому похоже, что в этой своей страшной части предание основано на действительном происшествии, хотя число убитых юношей южношотландская версия, вероятно, преувеличила. В народе говорится, что кровь жертв Киар-Мора вовек не может быть смыта с камня. Когда Мак-Грегор узнал об их судьбе, он отозвался об этом с крайним отвращением и укорял своего молочного брата, что он совершил такой поступок, который навлечет гибель на него и на его клан. Этот убийца был предком Роб Роя, и к нему восходит та ветвь Мак-Грегоров, от которой он происходил. Киар-Мор похоронен в Фортингале, где по сей день показывают на погосте его гробницу, покрытую тяжелой плитой, и где ходит немало легенд о его великой силе и отваге.

В числе немногих убитых был брат Мак-Грегора. Он похоронен близ поля битвы, и место погребения отмечено нетесаным камнем, именуемым Серый Камень Мак-Грегора.

Сэр Хамфри Колкухун на добром своем коне ушел от погони и укрылся временно в замке Банохар, или Бенехра. Убежище, однако, оказалось ненадежным, и вскоре он был убит под сводами замка, как говорит семейная летопись – Мак-Грегорами, хотя другие версии обвиняют в этом убийстве Мак-Фарленов.

Битва при Гленфруне и жестокость, проявленная победителями в преследовании, были представлены королю Иакову VI в крайне неблагоприятном для Мак-Грегоров свете, а их слава отважных, но не признающих закона удалцов не могла в этом случае принести им пользу. Чтобы Иаков мог ясно представить себе размеры резни, в Стерлинг явилось более двухсот жен убитых, в глубоком трауре, верхом на белых конях, каждая неся на копье окровавленную рубашку мужа, и предстали так пред королем, необыкновенно чувствительным к подобным зрелищам ужаса и скорби, требуя отмщения за смерть своих мужей убийцам, повергшим их в безутешное горе.

Наказание было по меньшей мере столь же сурово, как те жестокости, которые оно должно было покарать. Актом Тайного совета от 3 апреля 1603 года имя Мак-Грегоров объявлено было уничтоженным и тем, кто до сих пор его носил, повелевалось изменить его на другие имена под угрозой смертной казни каждому, кто впредь станет называть себя по имени отцов Мак-Грегором. Под страхом той же казни всем, кто участвовал в битве при Гленфруне или был причастен к другим разбойным делам, перечисленным в акте, запрещалось носить какое бы то ни было оружие, кроме ножа для разрезания пищи. Следующий акт Тайного совета от 24 июня 1613 года обрекал смертной казни всех лиц из племени, называвшегося ранее Мак-Грегорами, если они вздумают собраться вместе в числе свыше четырех человек. Парламентский акт от 1617 года в главе 26-й снова подтвердил эти законы, распространив их и на подрастающее поколение, так как, по имевшимся сведениям, дети тех, против кого направлены были акты Тайного совета, уже в большинстве своем достигли совершеннолетия, и, если бы им разрешили принять имя их отцов, клан снова стал бы столь же сильным, как и раньше.

Исполнение этих суровых эдиктов возложили в западных областях на графа Аргайла и могущественный клан Кэмбелов, а на востоке, в горных областях Пертшира, – на графа Этола и его приверженцев. Мак-Грегори оказывали сопротивление с неустрашимой отвагой, – и многие долины на западе и севере Горной Страны хранят память о жестоких битвах, в которых воины гонимого клана нередко одерживали временную победу и всегда дорого продавали свою жизнь. Наконец гордость Алластера Мак-Грегора, главы клана, была сломлена страданиями его народа, и он решил сдаться графу Аргайлу со своими ближайшими приверженцами на том

условии, что они будут высланы из Шотландии. Если верить отчету несчастного вождя, он мог с полным основанием рассчитывать на благосклонность графа, чье поощрение и тайные указания навели его на многие из тех отчаянных дел, за которые его призвали теперь к суровому ответу. Но Аргайл, как выразился старый Биррел, сдержал свое обещание на кельтский лад, «исполнив его для уха, но нарушив для разумения»: Мак-Грегора под сильной охраной доставили к английской границе, и, поскольку он тем самым был в буквальном смысле слова выслан из Шотландии, считалось, что Аргайл не нарушил договора, когда тот же отряд, который проводил туда пленника, отвел его затем назад, в Эдинбургскую тюрьму.

20 января 1604 года Мак-Грегор из Гленстрэ предстал перед судом и был признан виновным. По-видимому, его прямо из зала суда отправили на виселицу, так как Биррел, относя это событие к той же дате, сообщает, что Мак-Грегор был казнен у городских ворот и, отличия ради, повешен выше, чем двое его сподвижников и родичей. 18 февраля следующего года несколько человек из рода Мак-Грегоров были казнены после длительного тюремного заключения, а в начале марта – еще несколько.

В главе 16-й постановления от 1607 года парламент выражает благодарность графу Аргайлу, «который привел в покорность дерзкое и злое племя Мак-Грегоров, неисправимых правонарушителей, и отдал под суд Мак-Грегора со многими главарями клана, заслуженно казненными за их злодеяния», и жалуется на двадцатью чолдерами зерна с земель клана Кинтайр.

Мак-Грегоры, невзирая на приказы о предании их огню и мечу, на все карательные экспедиции, высылаемые против них шотландскими властями, которые, казалось, утратили самообладание и чувство собственного достоинства и приходили в исступление при одном имени гонимого клана, – невзирая на все это, Мак-Грегоры не примирились с тем, что их вычеркивают из списка шотландских кланов. Правда, они подчинились закону и приняли имена соседних родов, среди которых им случилось проживать, превратившись номинально в Драммондов, Кэмбелов, Грэмов, Бьюкэнанов, Стюартов и т. д., как кому оказалось удобней; но по всему поведению, по взаимной приверженности и во всех своих замыслах они оставались кланом Грегор, сплоченным воедино на любое дело, доброе и злое, и грозившим мстить всем племени каждому, кто затронет кого-либо из них.

Они по-прежнему терпели гонения и, нимало не колеблясь, наносили обиды, как и до попытки разъединить их в законодательном порядке – что явствует из главы 30-й вступления к статуту от 1633 года, где отмечается, что клан Грегор, подавленный и умиротворенный великими заботами покойного короля Иакова, снова поднял голову в графствах Перт, Стерлинг, Клакмэннен, Монтит, Леннокс, Ангюс и Мернс; а посему статут снова вводит в силу постановления о лишении клана прав и требует строгого соблюдения ранее изданных законов против злого и мятежного племени.

Как ни суровы были меры, принятые Иаковом I и Карлом I против несчастных людей, которых доводили до бешенства гонениями, а потом карали за то, что они уступали страстям, нарочито в них разжигаемым, Мак-Грегоры во время гражданской войны все как один стали под знамена изгнанного короля. Их барды объясняли это прирожденным уважением Мак-Грегоров к шотландской короне, которую носили некогда их предки, в доказательство ссылались на их герб, изображавший сосну, скрещенную в виде буквы X с обнаженным мечом, острие которого поддерживает королевскую корону. Не отрицая, что подобные соображения могли иметь некоторое значение, мы все же склоняемся к мысли, что война на стороне якобитов, открывавшая богатую равнину набегам горных кланов, была для Мак-Грегоров соблазнительней, чем все заигрывания ковенантеров, потому что, став на их сторону, клану пришлось бы иметь дело с горцами, такими же дикими, как они сами, и которым, так же как им, нечего было терять. Их возглавил Патрик Мак-Грегор, сын выдающегося вождя Дункана Аббараха, к которому Монтроз обращается в письмах как к своему поверенному и другу, говоря, что

всецело полагается на преданность его и верность, и обещая, что со временем, когда дело его величества станет на твердую почву, клан Мак-Грегоров получит возмещение за все обиды.

Далее в ходе тех горестных времен мы видим, что клан Мак-Грегоров требует восстановления своей самостоятельности, когда шотландский парламент призвал его в 1651 году отразить – бок о бок с другими кланами – наступление республиканской армии. 31 марта указанного года Калум Мак-Кондахи Вих Юэн и Юэн Мак-Кондахи Юэн, от своего лица и от лица всех носителей имени Мак-Грегор, подают прошение королю и парламенту, отмечая в нем, что когда они, просители, повинувшись приказу парламента, вменившему в обязанность всем кланам явиться на службу под командой своих вождей для защиты веры, короля и обоих королевств, стали стягивать свои силы на охрану горных проходов у истоков реки Форт, граф Этол и лэрд Бьюкэнан им в этом помешали, вытребовав в свои ряды многих воинов из клана Грегоров. Это не могло бы случиться, если бы не было изменено имя Мак-Грегоров, что дало основание графу Этолу и лэрду Бьюкэнану вербовать Мак-Грегоров под свои знамена, как носителей имен Мерри и Бьюкэнан. Ходатайство Мак-Грегоров о разрешении выступить самостоятельным отрядом, как выступали другие кланы, по-видимому, осталось без ответа. Но после Реставрации король Карл через первый шотландский парламент своего царствования (статут 164, глава 195) отменил ряд постановлений против клана Грегоров и вернул им право открыто носить свое родовое имя и пользоваться другими привилегиями верноподданных короля. Причиной такой снисходительности выдвигалось то обстоятельство, что те, кто некогда именовался Мак-Грегорами, проявили во время последней смуты такую преданность его величеству, что она по справедливости смывает память об их прежних провинностях и снимает с них всякую вину за прошлое.

Как ни странно, пресвитериане-неконформисты, по-видимому, возмутились, когда несправедливые гонения, которым так недавно подвергали их самих, были ослаблены в отношении несчастных Мак-Грегоров: видно, не только худшие, но и лучшие из людей не способны судить беспристрастно об одних и тех же мерах в применении к себе и к другим. После Реставрации враждебное несчастному клану влияние² привело к восстановлению карательных законов против Мак-Грегоров. Причины, по которым вновь вводились в силу эти суровые законы, неизвестны, и нет никаких указаний на то, что клан в чем-либо провинился снова. Есть все основания думать, что статья закона, касавшаяся Мак-Грегоров, была нарочно составлена в такой форме, чтобы пройти незамеченной: хотя в ней заключались постановления, жестоко ущемлявшие права столь многих шотландских подданных, она не упомянута ни в общем заглавии, ни в подразделах того парламентского акта, в который введена, и дана в виде короткого добавления к главе 61-й статута 1693 года – в так называемом «Акте о судопроизводстве в Верхней Шотландии».

Однако после революции акты против клана соблюдались, по-видимому, не строго, а во второй половине восемнадцатого столетия и вовсе перестали соблюдаться. Члены палаты общин в парламенте именовались запретным именем Мак-Грегоров, и многочисленные постановления суда и административные приказы подписывались этим именем. Однако, поскольку законы по-прежнему значились в книге статутах, Мак-Грегоров все еще страдали от запрета, наложенного на их исконное родовое имя, и делали попытки усвоить себе другое: предлагалось, чтобы в будущем весь клан именовался Мак-Алпайн или Грант. Однако соглашения достигнуть не удалось; со злом мирились по необходимости, пока не было получено полное восстановление в правах: особый акт британского парламента раз навсегда отменил карательные законы, так долго тяготевшие над древним родом. Этот статут, вполне справедливый, так как многие джентльмены из клана Мак-Грегоров честно потрудились на пользу короля и родины, был наконец утвержден, и, опираясь на него, Мак-Грегоров повели свои действия в том же духе

² Возможно, то же, которым впоследствии была вызвана резня в Гленко.

старинны, которому они всегда оставались верны, жестоко страдая от стеснения в древних своих правах, когда большинство их соотечественников уже не придавало этим правам существенного значения.

Для начала они признали Джона Мерри из Ланрика, эсквайра (впоследствии сэра Джона Мак-Грегора, баронета), представителя семьи Гленкарнох, прямым потомком древнего племени и крови лэрдов и лордов Мак-Грегор, и посему избрали его своим вождем во всех делах общественного порядка. Акт был скреплен подписью восьмисот двадцати шести мужчин из рода Мак-Грегор, способных носить оружие. Во время последней войны большое число представителей клана объединилось в так называемый полк клана Алпайн, сформированный в 1799 году и возглавленный их вождем и его братом, полковником Мак-Грегором.

Дав краткую историю клана, являющую редкий и любопытный пример живучести патриархального строя, автор должен теперь сообщить некоторые сведения о человеке, по имени которого назвал он эту повесть.

Когда знакомишься с шотландским горцем, надо прежде всего рассмотреть его родословную. Роб Рой вел свой род от Киар-Мора, Великана Мышиной Масти, обвиненного преданием в убийстве юных студентов во время битвы при Гленфруне.

Чтобы не утруждать ни себя, ни читателя, мы не станем вдаваться в путаную генеалогию горцев; довольно будет сказать, что после смерти Алластера Мак-Грегора из Гленстрэ клан, преследуемый неослабной ненавистью врагов, как видно, пал духом и не считал возможным стать под начальство одного вождя. В соответствии с местожительством и происхождением группы семейств объединились под властью предводителя, как называют горцы главу отдельной ветви того или иного рода, в отличие от вождя, который возглавляет весь род в целом.

Семья и потомки Дугалда Киар-Мора жили по большей части в горах, между озерами Лох-Ломонд и Лох-Кэтрин, занимая там обширные земли, по праву ли меча, которое всегда небезопасно было у них оспаривать, с молчаливого согласия окружающих, или же на каких-либо законных основаниях – бесполезно спрашивать и нет нужды разбирать. Нам достаточно знать: там они жили, эти люди, и даже самые сильные соседи избегали с ними ссориться, потому что в мирное время дружба с ними была необходима для спокойствия всей округи, а в случае войны они оказывали помощь быструю и действенную.

Роб Рой Мак-Грегор Кэмбел (парламентские акты, запретившие его истинное имя, заставили его называться Кэмбелом) был младшим сыном Доналда Мак-Грегора из Гленгайла, полковника (вероятно, на службе у Иакова II); по матери же он был внуком Кэмбела из Гленфаллоха. К имени самого Робба добавлялось «из Инверснейда»; но он, кажется, имел какие-то права, приобретенные или наследственные, на поместье Крейг-Ройстон – леса и скалы на восточном берегу Лох-Ломонда, где это красивое озеро врезается в окутанные туманом Гленфаллохские горы.

Время рождения Роб Роя точно не установлено. Но говорят, он принимал участие в военных столкновениях и разбоях, последовавших за революцией; и предание утверждает, что он был вожаком при грабительском набеге на приход Киппен в Ленноксе, имевшем место в 1691 году. Дело прошло почти без кровопролития – был убит только один человек, но небывалые размеры грабежа надолго утвердили за ним название киппенского разгрома или разорения.³ Время смерти Роб Роя тоже неизвестно; но так как он, говорят, пережил 1733 год и умер в преклонном возрасте, можно предположить, что при разгроме Киппена ему было лет двадцать пять, и тогда его рождение надо отнести к середине семнадцатого столетия.

В более спокойные времена, наступившие вслед за революцией, Роб Рой, или Красный Роберт, по-видимому, направил свою энергию и незаурядные дарования на промысел крупного гуртовщика, или торговца скотом. Надо думать, что в те дни ни один южношотландский

³ Смотри «Статистические данные о Шотландии», т. XVIII, стр. 332. Приход Киппен. (Прим. автора.)

гуртовщик, уже не говоря об английских, не рискнул бы вступить в пределы Горной Страны. Скот, главный предмет торговли в горных местностях, пригоняли на ярмарки в пограничной полосе Нижней Шотландии отряды бряцавших оружием горцев, которые, однако, обходились с покупателями-южанами честно и добросовестно. Правда, возникали иной раз ссоры, когда жители равнины, по преимуществу пограничной ее полосы, поставлявшие товары на английский рынок, окунали свои шапки в ближайший ручей и, натянув их на кулак, шли с дубинкой против обнаженного палаша, и тот далеко не всегда одерживал верх. Мне доводилось слышать от стариков, смолоду участвовавших в подобных схватках, что горцы вели себя в них с отменной честностью, никогда не пуская в ход острое клинка, ни тем более пистолет или кинжал.

И гром и звон кругом стоят,
Скрестился с палицей булат.

Два-три ушиба или проломленный череп – такое дело легко улаживалось, и, поскольку торговля была выгодна для обеих сторон, мелким стычкам не давали нарушать ее мирное течение. Для горцев она представляла жизненный интерес, так как весь доход, какой они могли получить со своих земель, сводился к выручке от продажи скота, а толковый и опытный купец не только сам наживался на своих торговых операциях, но и давал кое-чем попользоваться своим друзьям и соседям. Дела Роб Роя в течение ряда лет шли так успешно, что он завоевал всеобщее доверие и пользовался известным почетом в стране, где жил.

Положение его еще более укрепилось после смерти отца, когда он получил в наследство опеку над имуществом своего племянника, Грегора Мак-Грегора из Гленгайла, а вместе с нею, как его наставник, и то влияние, каким должен был пользоваться в клане и его окружении представитель Дугалда Киара. Влияние было тем более полным, что эта ветвь рода Мак-Грегоров, по-видимому, отказалась от подчинения Мак-Грегору из Гленкарноха, предку нынешнего сэра Эвана Мак-Грегора, и утвердилась в известной самостоятельности.

К этому же времени Роб Рой приобрел права – через куплю, заклад или иным путем – на упомянутое нами поместье Крейг-Ройстон. В эту пору преуспевания он пользовался необычайной благосклонностью своего ближайшего и могущественного соседа Джеймса Монтроза, первого герцога этого имени, и тот не раз оказывал ему знаки внимания. Герцог соизволил передать в собственность его племяннику и ему самому поместья Гленгайл и Инверснейд, которыми они пользовались раньше только на правах льготной аренды. Кроме того, в интересах всего края и ради процветания собственных своих земель герцог поддерживал нашего авантюриста крупными денежными займами, дававшими ему возможность продолжать торговлю скотом.

К несчастью, этот вид торговли был тогда, как и в наши дни, подвержен резким колебаниям, и Роб Рой вследствие внезапного падения цен на скот и, как добавляет дружественное предание, из-за вероломства компаньона, некоего Мак-Доналда, которому он неосмотрительно доверил значительную сумму денег, оказался несостоятельным должником. Компаньон скрылся не с пустыми, конечно, руками – во всяком случае, в указе о его аресте говорилось, что он имел при себе до тысячи фунтов стерлингов, полученных от некоторых дворян и владетельных особ на закупку для них скота в Горной Стране. Объявление это появилось в июне 1712 года и не раз повторялось. Оно устанавливает время, когда Роб Рой сменил торговые сделки на операции совсем иного рода.

По-видимому, в эту пору он впервые перебрался из своего обычного жилища в Инверснейде за десять – двенадцать шотландских миль (английских, считай, вдвое) дальше в горы и стал вести тот незаконный образ жизни, которому и следовал с тех пор. Герцог Монтроз, почтя себя обманутым и оскорбленным поведением Мак-Грегора, прибегнул к законным способам

взыскания одолженных ему денег. Земельные владения Роб Роя были отняты у него обычным судебным порядком, а его стада и домашнее имущество проданы с молотка.

Говорят, что это вмешательство закона, как его именуют в Шотландии, а в Англии более грубо называют арестом имущества, было применено в этом случае с необычайной суровостью и судебные исполнители, и обычно-то люди далеко не мягкие, так надругались над женой Мак-Грегора, что это и более кроткому человеку внушило бы мысль о беспощадной мести. Елена Мак-Грегор была женщина гордого и неукротимого нрава, и очень возможно, что она вмешалась в действия должностных лиц, вследствие чего и подверглась грубому обращению, хотя гуманности ради хочется надеяться, что народное предание передает эту историю в преувеличенной версии. Достоверно одно: женщине было тяжело изгнание с берегов Лох-Ломонда, и она излила свои чувства в прекрасной музыке для волынки, известной и теперь среди любителей под названием «Жалоба Роб Роя».

Думают, что беглец нашел первое убежище в Глен-Дохарте, под покровительством графа Бредалбейна; правда, в свое время Бредалбейны усердно потрудились в деле разорения Мак-Грегоров, но за последние годы они дали пристанище многим носителям этого имени в их прежних владениях. В числе покровителей Роб Роя был и герцог Аргайл: он даже, как говорится у горцев, «предоставил ему лес и воду», то есть укрытие, какое давали леса и озера недоступного края.

В те времена знатные люди Горной Страны, помимо честолюбивого стремления поддерживать своих так называемых приверженцев или вооруженных вассалов, старались иметь в своем распоряжении решительных людей, которые были бы не в ладу со светом и его законами и при случае могли бы время от времени опустошать земли и разорять арендаторов враждебного феодала, не навлекая ответственности на своих покровителей. Борьба между кланами Кэмбелов и Грэмов в течение гражданских войн семнадцатого столетия отмечена обоюдными потерями и закоренелой враждой. Смерть знаменитого маркиза Монтроза, с одной стороны, поражение при Инверлохи и жестокий разгром Лорна, с другой, – таковы были взаимные обиды, которые было нелегко забыть. Роб Рой поэтому был уверен, что найдет убежище в стране Кэмбелов, как принявший их имя, как родственник с материнской стороны семейства Гленфаллох и как недруг враждебного им дома Монтроза. Обширные владения Аргайла, куда он в крайнем случае мог отступить, позволяли Мак-Грегору строить дерзкие планы мести.

Теперь он рассчитывал на сильную поддержку в хищнической борьбе с герцогом Монтрозом, которого он полагал виновником всех своих бед: изгнания из общества, изданных против него «грамот о гонении и пленении» (как назывались соответственные указы), поставивших его вне закона, и, наконец, лишения имущества и прав на свои земли. Поэтому он намеревался досаждать герцогу, его арендаторам, друзьям, союзникам и родичам всеми доступными средствами. И, хотя ему открылся достаточный простор для грабительских подвигов, Роб, называвший себя якобитом, дерзко расширил область своей деятельности на всех тех, в ком ему угодно было видеть сторонников революционного правительства и самого ненавистного из мероприятий – соединения королевств. Под тем или другим предлогом он совершал набеги на соседей, живших в южной части Шотландии, если им было что терять или если они не соглашались откупиться от ограбления, ежегодно уплачивая некоторую сумму за помощь и покровительство.

Местность, где разворачивалась эта война одного против всех и возводилась в систему грабеж, в те времена, когда дороги еще не связали ее с остальным королевством, благоприятствовала целям Роб Роя. Населенная часть ее, раздробленная на узкие долины, была неизмеримо меньше пустынных лесов, скал и стремнин, которые ее окружали; к тому же край этот изобилует непроходимыми ущельями, болотами и естественными твердынями, известными только его обитателям. Незначительный отряд, знакомый с местностью, столкнувшись с превосходными силами, мог без труда ускользнуть от преследования.

Воззрения и обычаи тех, кто жил по соседству с Горной Страной, также немало благоприятствовали Роб Рою в его замыслах. Большая часть окрестных жителей принадлежала к одному с ним клану – к Мак-Грегорам, притязавшим на Балквиддер и другие горные округа из тех, что составляли некогда их владения, хотя суровые законы, так жестоко каравшие клан, передали его права другим родам. Гражданские войны семнадцатого столетия приучили этих людей носить оружие, а воспоминания о перенесенных невзгодах распаляли в них злость и отвагу. К тому же соседство богатой Низины, или Лоуленда, представляло большой соблазн для набегов. Многие представители других кланов, привычные к оружию и презиравшие труд, двинулись к незащищенным границам, обещавшим легкую добычу; и вся страна, ныне мирная и спокойная, в те времена оправдывала мнение (с таким недоверием выслушанное доктором Джонсоном), что самыми беспокойными и незаконными в Горной Стране были округа, непосредственно граничившие с Нижней Шотландией. Таким образом, для Роб Роя, принадлежавшего к роду, широко рассеянному по описанной нами стране, не представляло труда набрать сколько угодно приверженцев, которых он мог бы вести за собой и содержать на доходы от грабежей и набегов.

Сам он, по-видимому, как нельзя лучше подходил к выбранному им ремеслу. Он был не слишком высок ростом, но необычайно силен и крепко сложен. Наиболее примечательным в его сложении были широкие плечи и очень большие, несоразмерно длинные руки: говорят, он мог, не нагибаясь, завязать на себе подвязки чулок, которые находятся у шотландца на два дюйма ниже колена. Лицо у него было открытое, мужественное и хотя суровое в минуту опасности, но приветливое и ясное в часы веселья. Темно-рыжие волосы, густые и курчавые, вились вокруг лица. Покрой его платья оставлял, как водится, открытыми колени и верхнюю часть ноги, походившей, как мне рассказывали, на ногу шотландского быка: так же заросшая рыжей шерстью, она у него и по силе мускулов не уступала бычьей ноге. К этим отличительным приметам надо прибавить мастерское владение горским мечом. Большое преимущество давали ему в борьбе его длинные руки и превосходное знание всех глухих уголков дикой местности, где он укрывался, а также нрава тех людей, дружественных и враждебных, с которыми ему приходилось соприкасаться.

Особенности его нравственного облика тоже вполне соответствовали тем обстоятельствам, в какие был он поставлен. Потомок кровожадного Киар-Мора, он не унаследовал его лютости. Напротив, Роб Рой всемерно избегал проявлений жестокости, и не засвидетельствовано случая, когда бы он допустил ненужное кровопролитие или затеял бы дело, которое могло окончиться таковым. Предпринятые им набеги проводились не только смело, но и мудро и почти всегда бывали успешны благодаря искусному руководству, а также тайне и быстроте, с которой они выполнялись. Подобно английскому Робин Гуду, он был добрым и благородным грабителем и, отбирая у богатых, щедро оделял бедняка. Конечно, здесь мог быть и хитрый расчет, однако все предания страны говорят, что это делалось из лучших побуждений. С кем я ни беседовал, – а в дни юности я нередко встречал людей, знавших Роб Роя лично, – все отзывались о нем как о человеке «на свой лад» милосердном и гуманном.

Его понятия о нравственности были такие же, как у арабского вождя, – они, естественно, происходили из его первобытного воспитания. Если бы Роб Рой стал оправдывать свой образ жизни, избранный им добровольно или по необходимости, – он, несомненно, считал бы себя храбрецом, которого лицеприятный закон лишает прирожденных прав и вынуждает отстаивать их вооруженной силой; таким очень удачно обрисовал его в своих вдохновенных стихах мой даровитый друг Вордсворт:

Итак, он был и мудр и смел,
С отвагой ум соединен...
В моральный принцип он возвел

Естественный закон.
Роб говорил: «Не надо книг!
Тома с законами сожги!
Они виной тому, что мы
Не братья, а враги!
Закон в границы ставит страсть,
Ведя нас ложною тропой.
Мы за такой закон идем
В ожесточенный бой!
В смятение, в ослепление мы
Заветов мудрых не храним...
Мне в сердце врезались они,
Я верю только им.
Те, кто живет в волнах, в лугах,
Кто режет воздух взмахом крыл,
Не знают войн, для них всегда
Мир высшим благом был.
А почему? Закон простой
Они хранят с былых времен:
Пусть тот берет, кто всех сильней,
И пусть владеет он.
Легко понятный всем урок,
Дающий всем на все ответ...
Тут для жестокости шальной
Соблазна сильным нет.
Тут своеволие не в чести,
Безумцев диких ждет беда!
Желанье мерит мерой сил
Любой из нас всегда.
Решает жизнь земных существ
Отвага, высота ума:
Так Бог решил – одним вся власть,
Другим – весь гнет ярма.
Закон, права дающий, прост,
А жизнь любая – раз мигнуть!
Чтоб защитить свои права,
Найдем кратчайший путь!»
И так он жил среди этих скал,
И в летний зной, и в зимней мгле...
Орел – властитель в облаках,
А Робин – на земле⁴

Все же не следует думать, что этот незаурядный человек, поставленный вне закона, был истинным героем, неотступно следовавшим в жизни тем нравственным воззрениям, какие прославленный бард, стоя над его могилой, приписывает ему в заботе о его добром имени. Напротив, Роб Рой, подобно многим диким вождям, по-видимому, примешивал к исповедовавшимся им принципам немало коварства и лицемерия, как убедительно показывает его поведение в

---

⁴ Перевод Б. Томашевского.

гражданской войне. Отмечают также – и вполне справедливо, – что хотя учтивость и была одной из его отличительных черт, все же он нередко бывал заносчив и находились гордецы, не желавшие выносить такое обхождение; когда же дерзкий разбойник вступал с ними в ссору, он всегда выходил из нее победителем. Отсюда делали вывод, что Роб Рой был не столько героем, сколько драчуном, или, по крайней мере, что он подчас бывал, как говорится, скор на расправу. Кое-кто из стариков, хорошо знавших его, уверял, что он был сильнее в taich-tulzie, то есть в «домашних» драках, чем в смертельном бою. Однако это обвинение опровергается всем его образом жизни; скорее можно допустить, что самое его положение требовало осторожности и не позволяло вмешиваться в ссоры, когда он не мог ждать от них ничего, кроме несчастья, так как успех вооружил бы против него новых могущественных врагов в стране, где месть не считается преступлением и даже вменяется в обязанность. Способность обуздывать свои страсти в таких случаях не только не противоречила роли, поневоле принятой на себя Мак-Грегором, но была в те времена настоятельно необходима, если он не хотел слишком рано сложить свою голову.

Я позволю себе показать на двух-трех примерах, как Роб Рой бывал вынужден придерживаться подобного образа действий. Мой уважаемый покойный друг Джон Рэмзи из Охтертира, выдающийся знаток классической литературы и правдивая живая хроника древней истории и обычаев Шотландии, сообщил мне, что на празднике у костра в городе Дауне Роб Рой чем-то задел Джеймса Эдмондстона из Ньютона, того самого джентльмена, который был, на свое несчастье, замешан в убийстве лорда Ролло (см. Мак-Лорин «Судебные процессы», № IX), и Эдмондстон принудил Мак-Грегора оставить город, пригрозив, что иначе он своими руками бросит его в костер. «Я уже раз намял тебе бока, – сказал он, – а теперь, Роб, если ты не перестанешь меня злить, я сверну тебе шею». Правда, не следует забывать, что Эдмондстон был влиятельным членом партии якобитов – он нес знамя короля Иакова VII в битве при Шерифмуре – и что дело происходило у дверей его дома, где его, вероятно, окружали друзья и приверженцы. Все же доброе имя Роб Роя пострадало, когда угроза вынудила его удалиться.

Другой достоверный случай – это случай с Каннингемом из Бокухана.

Генри Каннингем из Бокухана, эсквайр, был стерлингширским дворянином; подобно многим денди нашего времени, он соединял смелый и пылкий нрав с подчеркнуто учтивым обращением и фатовскими манерами. Его храбрость и подчеркнутое фатовство соединялись, как это не так уж часто бывает, с врожденной скромностью. Вот как его описывает лорд Биннинг в своей сатирической поэме «Утренний прием Аргайла»:

Шестой отвесил он поклон,
Но не подходит ближе;
И герцог ласково к нему:
«Видать, что был в Париже!
Манер изящней никогда
Я не видал, ей-богу!»
Тот покраснел – седьмой поклон –
И пятится к порогу.⁵

Ему случилось быть в одной компании с Роб Роем, и тот, то ли из презрения к мнимой изнеженности Бокухана, то ли полагая ссору с ним неопасной (что, по уверениям недругов Роба, он всегда принимал в соображение), оскорбил его так жестоко, что в ответ последовал вызов на поединок. Хозяйка спрятала меч Каннингема, и, в то время как он шарил по всему дому в поисках своего или какого-либо другого меча, Роб Рой отправился на Шиллингский

⁵ См. «Сборник поэм шотландских джентльменов», т. II, стр. 125. (Прим. автора.)

холм – назначенное место поединка – и с величественным видом расхаживал там, ожидая противника. Между тем Каннингем отыскивал какой-то меч и, поспешив к месту сражения, набросился на разбойника с такой неожиданной яростью, что прогнал его с поля битвы, и тот некоторое время избегал показываться в том селении. Мистер Мак-Грегор Стерлинг в новом издании своего «*Nimmo's Stirlingshir*» передает смягченную версию этого анекдота; однако и он отмечает поражение Роб Роя.

Время от времени Роб Роя постигали неудачи, и жизнь его подвергалась немалой опасности. Однажды он спасся лишь благодаря хладнокровию своего адъютанта Мак-Аналестера, или Флетчера, игравшего в его шайке роль Джона Маленького, ловкого, предприимчивого удалыца и прославленного стрелка. Случилось так, что Мак-Грегор и его отряд были застигнуты врасплох и разбиты превосходными конными и пешими силами противника, и был дан приказ броситься врассыпную. Каждый изворачивался, как умел; один смельчак-драгун настойчиво преследовал Роба и, догнав его, ударил палашом. Железная пластина в шапке Мак-Грегора не дала раскрыть ему череп, но все же удар был настолько силен, что свалил нашего героя на землю, и, падая, Роб воскликнул: «Мак-Аналестер, неужели в ней (то есть в пищеали) нет ничего?» Солдат же с криком: «Вот дьявол! Чертова бабка сшила тебе этот колпак!» – уже занес палаш для второго удара, когда Мак-Аналестер выстрелил, и пуля поразила солдата в сердце.

Каков бы ни был Роб Рой, вот как описывает его деяния один талантливый и умный джентльмен, который проживал в той округе, где происходили его хищнические набеги, и, вероятно, испытал на себе их тяжесть, а потому, как и следовало ожидать, говорит о них без той снисходительности, с какой смотрят на них теперь по причине их необычного и романтического характера:

«Этот человек (Роб Рой Мак-Грегор) был достаточно умен и отличался в военном деле как хитростью, так и ловкостью; всецело предавшись распушенности, он стал во главе всех бездельников и бродяг своего клана в западной части Пертшира и Стерлингшира и разорял страну грабежами, набегами и разбоем. Мало кто из живших в пределах досягаемости (то есть на расстоянии ночного перехода) мог считать в безопасности свою жизнь и свое имущество, если не соглашался платить ему тяжелый и постыдный налог – «черную дань». В конце концов он дошел до такой дерзости, что среди бела дня на глазах у правительства грабил, собирал контрибуцию и завязывал драки во главе довольно большого отряда вооруженных людей»⁶

Размеры и успех этих набегов не вызовут у нас удивления, если мы вспомним, что они совершались в стране, где обычные законы не соблюдались и не уважались.

Отметив, что угон скота вошел в обычай и даже люди высших классов не брезговали этим делом, так что собственность, заключавшаяся преимущественно в стадах, стала очень ненадежной, мистер Грэм добавляет:

«Земли из-за этого не обрабатываются, выгоны не удобряются, и по той же причине нет ни мануфактур, ни промыслов – словом, нет промышленности. Население крайне плодовито и потому так многочисленно, что работы в этих местах, при настоящем хозяйственном устройстве, хватает только для половины жителей. Повсюду полно праздных людей, привычных к оружию и ленивых во всем, кроме грабежа и разбоя. А так как по всему краю можно где угодно увидеть буддели, или питейные дома, то в них они и убивают бесцельно время, зачастую растрачивая там доходы от своих незаконных предприятий. Законы здесь никогда не применялись, никогда споры не решались властью судьи. Судебный исполнитель не смеет и не может выполнять здесь свои обязанности, и многие селения лежат милях в тридцати от местожительства людей, облеченных законной властью. Короче говоря, здесь нет порядка, нет власти, нет правительства».

---

⁶ Грэм Гартмор. Причины смут в Верхней Шотландии. Смотри также: Берг. Письма из Северной Шотландии (в издании Джеймисона). Приложения ко II тому, стр. 348. (Прим. автора.)

Пора восстания, 1715 год, наступила вскоре после того, как Роб Рой стал знаменит. Теперь его якобитские симпатии пришли в столкновение с сознанием долга перед косвенным его покровителем, герцогом Аргайлом. Однако желание «потопить звук своих шагов в грохоте всеобщей битвы» принудило его примкнуть со своими людьми к графу Мару, хотя его патрон, герцог Аргайл, стал во главе армии, выступившей против мятежных горцев.

Мак-Грегоры – по крайней мере самый большой их род, Киар-Мор, – сражались на этот раз под началом не Роб Роя, а его племянника, о котором мы упоминали выше, Грегора Мак-Грегора, иначе называемого Джеймсом Грэмом из Гленгайла и еще более известного под гэльским прозвищем Глун Ду, то есть Черное Колено – по черному пятну на одном его колене (шотландская одежда оставляет колени открытыми). Однако, вне всякого сомнения, Гленгайл, тогда совсем еще юный, должен был во многих случаях действовать под руководством или по совету столь испытанного вождя, каким был его дядя.

В это время Мак-Грегоры собрались в большом числе и стали угрожать даже жителям Низины, у южного берега Лох-Ломонда. Они неожиданно захватили на озере все лодки и, вероятно, в каких-то собственных целях отвели их к Инверснейду, чтобы преградить путь большому отряду вигов западного края, поднявших оружие в защиту правительства и двинувшихся в этом направлении.

Виги предприняли вылазку, чтобы отбить лодки. Их силы составляли добровольцы из Пейсли, Килпатрика и других мест. С помощью отряда моряков они поднялись вверх по реке Левен в больших шлюпках с военных судов, стоявших тогда на Клайде. В Луссе к ним присоединились силы сэра Хамфри Колкухуна и Джеймса Гранта, его зятя, а также их сторонников, одетых в шотландское платье тех времен, что весьма картинно описывается у Гартмора.⁷ Весь отряд переправился к Крейг-Ройстону, но Мак-Грегоры не вступили в сражение. Если верить рассказу о походе, как дает его историк Рэй, то виги неустрашимо выскочили на берег у Крейг-Ройстона, но неприятель не показывался, и они непрерывным боем в барабаны и пальбой из пушек и ружей настолько устрешили Мак-Грегоров, которых так и не увидели, что те оставили свои укрепления и в панике бежали до главного лагеря горцев у Страт-Филлана (Лох-Ломондская экспедиция была признана достойной рассмотрения в отдельной брошюре, которой я не видел; но, судя по цитатам у историка Рэя, она превосходна.

«Назавтра, то есть в четверг, 13-го, они вышли в поход и в полдень подошли к Инверснейду, месту опасному, где люди из Пейсли и Дамбартона и некоторые другие, всего до ста человек, отважно прыгнули на берег, взобрались на горный кряж, и, так как неприятель не показывался, они пустились на поиски своих лодок, захваченных мятежниками, и, случайно наткнувшись на канаты и весла, спрятанные в кустах, нашли наконец лодки, вытащенные далеко на берег, и спустили их к озеру. Лодки, какие были не повреждены, они взяли с собой, а остальные потопили или изрубили в щепы. Той же ночью они вернулись в Лусс, а оттуда на следующий день в Дамбартон (откуда они и пришли), ведя с собой все лодки, найденные ими на обоих берегах озера, а также в заливчиках на островах, и поставили их на причал у замка под защитой пушки. Во время этого похода катера разрядили все свои кулеврины, а люди – все свои ружья. Это произвело такой гром, отдавшийся многократным эхом в горах по обе стороны озера, что Мак-Грегоры были повергнуты в уныние и бежали в ужасе к остальным мятежникам, стоявшим лагерем в Страт-Филлане».⁸ Жителям Низины удалось забрать свои лодки с изрядным шумом, с немалой отвагой, но безо всякой для себя опасности.

⁷ «Ночью они прибыли в Лусс, где к ним присоединились сэр Хамфри Колкухун из Лусса и Джеймс Грант из Пласкандера, зять его; их сопровождали сорок-пятьдесят статных молодцов в коротких чулках и перехваченных поясом пледах, каждый с отличным ружьем, а в левой руке – красивый крепкий щит с ввинченным посредине остроконечным стальным стержнем, длиною около пол-элла; на боку у каждого – тяжелый палаш, а за поясом заткнут один или два пистолета, нож и кинжал» (Рэй. История мятежа, т. IV, стр. 287). (Прим. автора.)

⁸ Рэй. История мятежа, т. IV, стр. 287. (Прим. автора.)

После этой временной смены пристанища Роб Рой был послан графом Маром в Эбердин – как полагают, затем, чтобы подбить на восстание ту часть клана Грегоров, которая обосновалась в этом округе. Люди эти были из одной с ним семьи (из рода Киар-Мор). Они были потомками тех трехсот Мак-Грегоров, которых граф Мерри около 1624 года переселил сюда из своих владений в Монтите для защиты от враждебных ему Мак-Интошей – такого же смелого и беспокойного племени, как и Мак-Грегоры.

В городе Эбердине Роб Рой встретил одного своего родственника, как нравом, так и положением отличного от тех, кого он послан был призвать к оружию. Это был доктор Джеймс Грегори (Мак-Грегор по происхождению), родоначальник целой династии профессоров, отмеченных литературным и научным дарованием, дед ныне покойного известного врача и выдающегося ученого, профессора Грегори из Эдинбурга. Этот джентльмен преподавал в то время медицину в королевском колледже в Эдинбурге, а его отец, доктор Джеймс Грегори, известен в науке изобретением отражательного телескопа. Казалось бы, у нашего друга Роба не могло быть ничего общего с такой семьей. Но превратности гражданской войны порой соединяют людей самым неожиданным образом. Доктор Грегори считал благоразумным в столь критический момент признать родство с влиятельным и грозным человеком. Он пригласил Роб Роя к себе в дом и был с ним так любезен, что пробудил в его великодушном сердце благодарность, которая поставила профессора в крайне затруднительное положение.

У профессора был сын, мальчик лет восьми-деяти, живой и не по возрасту сильный, который всем своим видом очень приглянулся шотландскому Робин Гуду. Накануне отъезда из дома своего ученого родича Роб Рой, который долго ломал голову над тем, как отблагодарить доктора Грегори за теплый прием, отвел его в сторону и обратился к нему с такими словами:

– Любезный родственник, я все думал, что я могу сделать, чтобы показать вам, как я ценю ваше гостеприимство. Так вот, у вас есть сын, мальчик хороший и умный, а вы его портите, забивая ему голову бесполезной книжной премудростью; и я решил, в знак моего доброго расположения к вам и вашему семейству, взять его с собою и сделать из него мужчину.

Ученый профессор был просто ошеломлен, когда его воинственный сородич объявил ему о своем добром намерении в таких выражениях, которые не оставляли сомнения, что предложение должно быть принято с великой благодарностью. Задача, как отговориться или объяснить, была очень деликатного свойства: представлялось опасным, как бы Роб Рой не заметил, что в глазах отца покровительство, предложенное сыну, вело его прямой дорогой на виселицу. Между тем все отговорки, какие приходили ему на ум, – как, например, нежелание утруждать своего друга заботой о мальчике, воспитанном в Нижней Шотландии, и т. п., – только укрепляли вождя в решении взять юного родственника под свое покровительство, ибо ему казалось, что они подсказаны лишь скромностью отца. Он и слушать не хотел ни о каких извинениях и даже дал понять, что готов увести мальчика чуть ли не силой – согласится отец или нет. В конце концов смущенный профессор сослался на слишком нежный возраст сына и слабое здоровье, которое не позволит ему переносить суровые условия жизни в горах; но года через два, добавил отец, он надеется, здоровье мальчика окрепнет, и тогда он будет в состоянии сопровождать своего храброго сородича и пойти навстречу той блестящей судьбе, к которой тот открывает ему путь. Придя к такому согласию, родственники расстались. Роб Рой поручился честью, что возьмет юного кузена с собою в горы в следующее свое посещение Эбердиншира, а доктор Грегори, понятно, молился в душе, чтобы ему больше никогда не довелось увидеть кельтское лицо Роба.

Джеймс Грегори, еле избежавший опасности попасть в стан к своему родичу и, вероятно, сделаться его оруженосцем, стал впоследствии профессором медицины в колледже и, как и все почти в его семействе, отличился своими научными достижениями. Он был раздражительного и упрямого нрава, и нередко, когда он выказывал признаки этих недостатков, его друзья приговаривали: «Вот что значит не получить воспитания у Роб Роя!»

Отношения между Робом Роем и его ученым родственником не прекратились с окончанием недолгого могущества Роба. Через много лет после 1715 года он прогуливался по Замковой улице Эбердина рука об руку со своим гостеприимным хозяином, доктором Джеймсом Грегори, когда барабаны в казармах внезапно забили тревогу и показались выбегавшие из казарм солдаты.

– Раз вызвали этих молодцов, – сказал Роб, преспокойно покидая Джеймса Грегори, – значит, мне пора позаботиться о своей безопасности.

С этими словами он нырнул в подворотню и, как говорит Джон Беньян, «пошел своей дорогой, и больше его не видели».⁹

Мы уже отметили, что во время восстания 1715 года Роб Рой вел себя довольно двусмысленно. Сам он и его приверженцы состояли в армии горцев, но сердцем он был, по-видимому, с герцогом Аргайлом. И все же мятежники, хотя и говорили, что не могут на него положиться, были вынуждены ввериться Робу, как единственному проводнику, когда шли от Перта к Дамблену для переправы через Форт у так называемого Фрусского Брода.

Это движение на запад повлекло за собой битву при Шерифмуре, правда, не решившую дела, но герцог Аргайл сумел извлечь из нее достаточную выгоду. Следует вспомнить, что в этом сражении горцы обрушили свой правый фланг на левый фланг Аргайла и разгромили его, в то время как кланы на левом фланге армии Мара, хотя и состояли из Стюартов, Мак-Кензи и Камеронов, были наголову разбиты. Пока продолжались бегство и преследование, Роб Рой оставался на холме, в центре позиции горцев, и хотя говорят, что он мог бы, если бы пустился в атаку, решить исход битвы, его не удалось склонить к выступлению. Это было тем печальнее для инсургентов, что предводительство отрядом Мак-Ферсонов было также возложено на Мак-Грегора. Если верить преданию, это было сделано по причине преклонного возраста вождя Мак-Ферсонов, который, будучи не в силах сам предводительствовать кланом, не пожелал, чтобы его предполагаемый преемник, Мак-Ферсон из Норда, заменил его в этом деле; так что клан или часть его была объединена со своими союзниками Мак-Грегорами. Благоприятный для нападения момент был уже почти упущен, когда до Роб Роя дошел решительный приказ Мара – немедленно идти в атаку. На что он преспокойно возразил:

– Ну нет! Если они не могут выиграть битву без меня, они ее не выиграют и со мною.

Один из Мак-Ферсонов, по имени Александр, занимавшийся тем же, чем когда-то занимался Роб, то есть продажей скота, человек большой силы и отваги, видя бездействие своего временного вождя, так разгневался, что сбросил плед, обнажил меч и обратился к людям своего клана:

– Довольно мы терпели! Если он не поведет, я сам поведу вас.

Роб Рой с полным хладнокровием ответил:

– Когда бы дело шло о быках или баранах из Горной Страны, Сэнди, я бы склонился перед вашим высоким искусством, но, так как вопрос стоит о предводительстве людьми, надо признать, что в этом я лучший судья.

– Если бы дело шло о глен-эйгасских быках, – ответил Мак-Ферсон, – о Робе и говорить не пришлось бы, он был бы не позади, а впереди стада.

Рассерженный этой насмешкой, Мак-Грегор обнажил меч, и они тут же завязали бы драку, если бы их не разняли друзья с той и с другой стороны. Между тем момент для атаки был окончательно упущен. Роб все же и на этот раз не пренебрег своими личными интересами.

---

⁹ Первый из этих анекдотов, который ставит рядом представителей самой высокой цивилизации и полудикого народа, я слышал из уст небезызвестного доктора Грегори, ныне покойного, и члены его семьи были так любезны, что сличили рассказ с семейными документами и личными воспоминаниями, добавляя к нему достоверные подробности. Второй основан на воспоминаниях одного старика, присутствовавшего при том, как Роб, услышав барабанный бой, удалился, не простившись со своим ученым родственником, и сообщившего эту деталь мистеру Александру Форбису, свойственнику доктора Грегори, здравствующего по сей день. (Прим. автора.)

В сумятице переменного боя его приверженцы занялись пополнением своих карманов, грабя обоз и обирая трупы павших на той и на другой стороне.

Прекрасная старинная баллада о битве при Шерифмуре не преминула высмеять поведение нашего героя в тот памятный день:

Роб Рой на горе
Стоит в стороне –
Караулит добычу, известно,
Закончился бой,
А наш-то Роб Рой –
Он так и не двинулся с места.

Хотя Роб Рой и дальше соблюдал в восстании относительный нейтралитет, он все же понес наказание. Его обвинили в государственной измене, и дом в Бредалбейне, место его пристанища, был сожжен лордом Кадоганом, когда этот генерал по окончании мятежа прошел по Горной Стране, карая восставшие кланы и отбирая у них оружие. Однако, придя в Инверэри с сорока или пятьюдесятью приверженцами, Роб Рой получил помилование благодаря мнимой сдаче оружия полковнику Патрику Кэмбелу Финнаху, который снабдил вождя и весь его отряд охранными грамотами за своею подписью. Достаточно оградив себя таким образом от правительственных гонений, Роб Рой обосновался в Крейг-Ройстоне около Лох-Ломонда, среди своих сородичей и, не теряя времени, возобновил свою ссору с герцогом Монтрозом. Вскоре он собрал столько людей – и притом хорошо вооруженных, – сколько никогда еще не было под его началом. Он не выходил из дома иначе, как под охраной из десяти или двенадцати отборных телохранителей, и мог без труда довести их число до пятидесяти или шестидесяти.

Герцог не пожалел трудов, чтобы уничтожить беспокойного противника. Его светлость обратился к генералу Карпентеру, возглавлявшему военные силы в Шотландии, и по приказу последнего три отряда солдат были двинуты из трех различных пунктов – из Глазго, Стерлинга и Финларига близ Киллирна. Мистер Грэм из Киллирна, родственник и приказчик герцога Монтроза и к тому же еще шериф Дамбартоншира, сопровождал войска для того, чтобы они могли действовать от имени гражданских властей и иметь к услугам надежного проводника, хорошо знакомого с горами. Перед этими тремя отрядами была поставлена задача одновременно прибыть в окрестности пристанища Роб Роя и там захватить его самого и его приверженцев. Однако сильные дожди, трудные условия борьбы в горах и превосходная разведка Роб Роя расстроили эту неплохо задуманную операцию. Увидя, что птицы улетели, солдаты в отместку разорили гнездо. Они сожгли дом Роб Роя, хотя и не безнаказанно: Мак-Грегори, укрывшиеся среди кустов и скал, открыли по ним огонь и убили одного гренадера.

Роб Рой отомстил за понесенную потерю необыкновенно дерзко. В середине ноября 1716 года Джон Грэм из Киллирна, ранее упоминавшийся нами как приказчик Монтроза, прибыл в местность, называвшуюся Чейпл-Эррок, куда созваны были арендаторы герцога для уплаты очередного взноса. Они прибыли согласно указанию, и приказчик успел уже получить фунтов триста наличными деньгами, когда в дом вторгся во главе вооруженного отряда Роб Рой. Приказчик, чтобы спасти вверенную ему собственность герцога, бросил деньги и расчетные книги в чулан, надеясь, что их не заметят. Однако искушенного разбойника не так-то просто было обмануть, когда пахло такой добычей. Он обнаружил и книги, и деньги, спокойно уселся в конторе, просмотрел записи, прикарманил деньги и выдал расписки от имени герцога, сказав, что предполагает рассчитаться с Монтрозом за потери, понесенные им по его милости, включая сюда все убытки как от гибели дома, сожженного генералом Кадоганом, так и от последнего налета на Крейг-Ройстон. Затем он приказал мистеру Грэму следовать за собой; обращался он с ним, по-видимому, безо всякой жестокости или грубости, хотя и заявил, что

рассматривает его как заложника, и пригрозил сурово с ним обойтись в случае преследования или нападения. Редко когда свершались более дерзкие подвиги. После нескольких быстрых переходов с места на место (единственной неприятностью, на какую мог пожаловаться мистер Грэм, была усталость) Роб отвел пленника на остров среди озера Лох-Кэтрин и принудил его написать герцогу, что выкуп за него определен в три тысячи четыреста мерков.

Эта сумма составляла будто бы долг герцога Роб Рою за вычетом денег, которые тот получил с его арендаторов. Однако, продержав мистера Грэма дней пять или шесть под стражей на острове, который и поныне именуют тюрьмой Роб Роя и где в ноябрьские ночи едва ли уютно было жить, разбойник, видно, потерял надежду извлечь добавочную выгоду из дерзкого покушения и отпустил пленника, не причинив ему никакого вреда и отдав книги и расписки, выданные арендаторами, но не преминув удержать наличные деньги.

Рассказывают и о других проделках Роба, свидетельствующих о такой же смелости и находчивости, как при захвате Киллирна. Герцогу Монтрозу надоела такая дерзость, и он достал некоторое количество оружия и роздал его своим арендаторам для самозащиты в случае дальнейших нападений. Но оружие досталось не тем, кому оно предназначалось. Мак-Грегори напали на дома арендаторов и разоружали их всех, одного за другим, – надо думать, не без согласия многих из них.

Так как большая часть арендной платы выплачивалась герцогу натурой, в Мулине и прочих местах по всему поместью Бьюкэнан были построены амбары для ссыпки зерна. Роб Рой завел обычай наведываться с значительными силами в эти места – конечно, когда его меньше всего ожидали, – и настаивать на отпуске ему изрядного количества зерна, иногда для его собственных нужд, а иногда для раздачи населению; при этом он всегда выдавал расписки от своего лица и уверял, что рассчитается за получаемое с герцогом в соответственной сумме.

Между тем правительство поставило гарнизон в прежнем владении Роб Роя – Инверснейде; развалины укреплений можно и сейчас еще видеть на полпути между Лох-Ломондом и Лох-Кэтрин. Но и это военное вмешательство не обуздало неугомонного Мак-Грегора. Он неожиданно напал на маленький форт, разоружил солдат и снес укрепления. Позднее форт был восстановлен и снова захвачен Мак-Грегорами под командой племянника Роб Роя, Глун Ду, накануне восстания 1745–1746 годов. Наконец, после прекращения гражданской войны форт Инверснейд был восстановлен в третий раз, и когда мы застаем там начальником знаменитого генерала Уолфа, воображение наше осаждают многообразные воспоминания о различных временах и событиях. Сейчас форт окончательно упразднен.¹⁰

Роб Рой продолжал теперь свои действия уже не как явный грабитель, а как своего рода агент полиции, сборщик «черной дани» – по выражению шотландцев. Сущность этого сбора описана в романе «Уэверли» и в примечаниях к настоящему труду. Здесь можно привести ее характерные особенности, как их рисует мистер Грэм Гартмор.

«Смута и беспорядки в стране были так велики, а правительство так мало было этим озабочено, что здравомыслящие люди вынуждены были прибегнуть к позорным и постыдным договорам о «черной дани», чтобы до некоторой степени себя обезопасить. С лицом, держащим самую тесную связь с грабителями, заключается договор, в силу которого ему выплачивается ежегодно известная сумма денег, чтобы грабежи не касались помеченных в договоре земель. Из собранных таким образом средств человек платит одним ворами за то, чтоб они возвращали владельцам угнанный скот, а другим – за то, чтобы они воровали, создавая необходимость в соглашении о «черной дани». Поместья дворян, отказывающихся заключить договор или поддерживать этот разорительный обычай, подвергаются ограблению со стороны той

¹⁰ Около 1792 года, когда автору во время путешествия по Горной Стране случилось там проезжать, в Инверснейде еще стоял гарнизон, состоявший из одного-единственного ветерана. Почтенный страж мирно и безмятежно жал ячмень на своем участке, и когда мы попросились переночевать, он сказал, что ключ от форта мы найдем под дверью. (Прим. автора.)

части «охраны», которой положено грабить, и таким образом владельцев принуждают прибегнуть к ее покровительству. Главарь грабителей величает себя «капитаном охраны», а его бандиты именуются «охраной». И так как это дает им некое законное право свободно разъезжать по чужим владениям, они получают возможность свободно причинять любое зло. Рассеянные по горам отряды составляют довольно значительную вооруженную силу; это – люди, с детства привыкшие к трудам походной жизни и могущие при случае выступить в качестве войска.

Люди невежественные и восторженные, стоящие в полной зависимости от вождя или лендлорда, в делах совести руководимые католическим патером или священником-нонконформистом, не владеющие никакой собственностью, подобны глине – из них лепи что хочешь. Они ничего не боятся, так как им нечего терять, а потому их легко вовлечь в любое предприятие. Ничто не может ухудшить их положения; смута и беспорядки соблазняют их в их распушенности, потому что позволяют им улучшить его».¹¹

Так как сбор «черной дани» явно поощрял грабеж и сильно препятствовал отправлению правосудия, то в главе 2-й статута 1567 года он был объявлен тяжким преступлением как со стороны взимающего эту дань, так и со стороны плательщика. Все же я думаю, что в каждом отдельном случае применению этого сурового закона мешала безвыходность положения, и люди по-прежнему предпочитали подчиняться незаконным поборам, нежели идти на риск полного разорения, – так же, как в наши дни трудно или невозможно помешать человеку, если у него украли крупную сумму денег, договориться с ворами о частичном возврате украденного.

В каком размере Роб Рой взимал дань, мне не довелось узнать; до нас, однако, дошел официальный договор, по которому его племянник в 1741 году обязался перед некоторыми владельцами поместий в графствах Перт, Стерлинг и Дамбартон возвращать украденный у них скот или уплачивать им его стоимость не позже чем через полгода после заявления о пропаже при условии, что такое заявление будет сделано достаточно быстро, за что владельцы, со своей стороны, обязались выплачивать пять процентов с оценочной стоимости своего имущества, – страховка не слишком тяжелая. Мелкие кражи в договор не включались; но кража лошади, или одной коровы, или свыше шести голов мелкого рогатого скота подпадала под соглашение.

Эти договоры приносили Роб Рою значительный доход как деньгами, так и скотом, и разбойник отдавал его на общественные нужды, ибо он так же любил показать себя щедрым в общественных делах, как благодетелем в частных. Священник прихода Балквиддер, по имени Робисон, одно время грозил прихожанам всяческими карами, если ему не повысят оклад. Роб Рой при первом же удобном случае уверил священника, что ему лучше воздержаться от новых вымогательств, и священник понял намек. Но в порядке некоторой компенсации Мак-Грегор каждый год дарил ему корову или жирную овцу; и говорят, сомнения в том, как достались они дарителю, не тревожили совесть почтенного джентльмена.

Следующий рассказ – о том, как вел себя Роб Рой, когда к нему обратился один из его контрактантов, – представил для меня большой интерес, потому что я услышал его от очевидца – одного старика из Леннокса. Но поскольку в рассказе нет ярких эпизодов и поскольку его, конечно, не будет сопровождать полуиспуганный-полусмущенный взгляд, с каким рассказчик передавал свои воспоминания, то, боюсь, перенесенный на бумагу, он не произведет впечатления.

Было ему пятнадцать лет (сообщил рассказчик), он жил с отцом в Ленноксе, в поместье одного джентльмена (имя которого я позабыл), работая подпаском. Ясным утром в конце октября – время года, когда надо особенно опасаться такого несчастья, – они обнаружили, что ночью у них побывали грабители-горцы и угнали голов десять – двенадцать скота. Послали за Роб Роем, и тот явился с отрядом в семь или восемь вооруженных удальцов. Внимательно выслушав все, что могли ему сообщить об обстоятельствах дела, он выразил уверенность, что

¹¹ «Письма из Северной Шотландии», т. II, стр. 344–345. (Прим. автора.)

«бешенные пастухи»¹² не могли далеко уйти со своей добычей и что он постарается их догнать. Он попросил послать с его отрядом двух местных жителей – потому что смешно же было рассчитывать, что кто-либо из его джентльменов возьмет на себя труд пригнать на место полученный обратно скот. Послали рассказчика и его отца. Им не очень-то хотелось идти, но все же, запасшись пищей и прихватив собаку, чтобы она помогла им управиться со скотом, они отправились с Мак-Грегором. Шли они целый день, держа путь на гору Бенворлих, и ночевали в ветхой лачуге. На следующее утро они снова пустились в путь через горы, причем вел их Роб Рой, находя дорогу по знакам и отметкам на вереске, непонятным для рассказчика.

Около полудня Роб Рой скомандовал вооруженному отряду остановиться и залечь в зарослях вереска, где он был особенно густ. «А вы оба с сыном смело идите на вершину холма, – обратился он к старшему из пастухов, – и там увидите, что в долине за перевалом пасется скот вашего хозяина – может быть, вместе с другим скотом; отберите свой скот (только постарайтесь не брать чужого) и гоните его сюда. Если кто-нибудь заговорит или станет грозить вам, скажите, что я здесь и что со мной отряд в двадцать человек». «А что, если они набросятся на нас или убьют?» – спросил пастух, который вовсе не обрадовался, когда увидел, что на них с сыном возлагают обязанности послов. «Если они нанесут вам какой-либо вред, – сказал Роб, – я не прощу им до конца моих дней». Пастуха ничуть не успокоила такая гарантия, но спорить с Робом он побоялся.

Итак, он поднялся с сыном на холм, и они увидели оттуда глубокую ложбину, где паслось, как и предвидел Роб, большое стадо. Старательно отобрали они животных, уведенных у их хозяина, и приготовились погнать их по склону холма. Но только они пустились в путь, за их спиной поднялись крики и вопли; дрожа от страха, они оглянулись и увидели женщину, которая точно выросла из-под земли и обрушилась на них с руганью на гэльском языке. Однако же, когда они, собрав все, что знали по-гэльски, передали ей слова Роб Роя, она угомонилась и исчезла, не причинив им больше никакого беспокойства. Когда они вернулись, Роб выслушал их рассказ и стал с удовольствием говорить о том, что он владеет искусством улаживать такие дела без шума и неприятностей. Отряд двинулся в обратную дорогу, и всякая опасность была теперь позади, хотя трудов предстояло еще немало.

Они гнали скот почти без отдыха, пока не смерклось, и тогда Роб Рой предложил заночевать посреди широкой вересковой пустоши, где холодный северо-восточный ветер, неся мороз на крыльях, насвистывал песенку волынщиков из Страт-Дирна.¹³ Горцы, закутавшись в пледы, довольно удобно улеглись на вереске, а пастухам нечем было накрыться. Заметив это, Роб Рой приказал одному из приближенных уделить старику часть своего пледа, «а что до мальчишки, то он может, – добавил разбойник, – согреться, расхаживая вокруг и сторожа скот». Рассказчик выслушал эти слова с немалым огорчением; ледяной ветер пронизывал его все сильнее и, казалось, леденил кровь в его жилах. Всю жизнь приходилось ему переносить непогоду, говорил он, но никогда не мог он позабыть эту холодную ночь; с досады он ругал ясную луну за то, что она так ярко светит, а ничуть не греет. В конце концов холод и усталость сделались до того нестерпимы, что он решил покинуть свой пост, чтобы где-нибудь укрыться и заснуть. Вот он и прилег за спиной одного из самых рослых горцев, который был в отряде чем-то вроде адъютанта. Не довольствуясь защитой его широкой спины, он позарился еще на кусочек пледа и помаленьку, полегоньку натянул на себя один его конец и завернулся. Теперь он был почти как в раю и крепко проспал до зари, а когда проснулся, страшно перепугался, заметив, что своими ночными маневрами совсем открыл шею и плечи дунье-вассала, которые, лишившись защищавшего их пледа, покрылись инеем. Мальчик вскочил в страхе, что его по меньшей мере изобьют, когда обнаружится, как он со всеми удобствами устроился за счет главного лица в

¹² «Бешеными пастухами» называют воров, угоняющих скот. (Прим. автора.)

¹³ Так называют ветры горной долины в Баденохе. (Прим. автора.)

отряде. Но добрый господин адъютант встал и отряхнулся, отирая пледом иней и что-то бормоча про холодную ночь. Затем они погнали дальше скот, который и был возвращен владельцу без новых приключений. Вышеизложенное вряд ли можно назвать рассказом, но все же в нем кое-что найдут для себя и поэт и художник.

Около этого же времени, быстро продвинувшись с отрядом своих арендаторов в Балквиддерские горы, герцог Монтроз наконец захватил Роб Роя врасплох и взял его в плен. Его посадили в седло за спиной одного из приверженцев герцога, некоего Джеймса Стюарта, и связали обоих одной подпругой. Тот, кому таким образом вверили Роб Роя, был дедом одного смышленного человека (носившего то же имя и ныне умершего), который последнее время содержал трактир неподалеку от Лох-Кэтрин и служил своим постояльцам в качестве проводника по этим живописным местам. От него я и слышал эту повесть еще задолго до того, как он стал трактирщиком и проводником, – в те времена он только изредка сопровождал охотников на тетеревов. Был вечер (я продолжаю рассказ), и герцог спешил перевести пленника, за которым так долго и безуспешно охотился, куда-нибудь в надежное место, когда при переправе через Тейт или Форт, точно не припомню, Мак-Грегор, улучив минуту, стал заклинять Стюарта всеми узами старой дружбы и добрососедских отношений дать ему возможность спастись от верной гибели. Стюарта охватила жалость, а может быть, и страх. Он расстегнул подпругу, и Роб, соскользнув с крупы лошади, нырнул, поплыл и скрылся почти так, как это описано в романе. Когда Джеймс Стюарт вступил на берег, герцог сразу обратился к нему с вопросом, где пленник. Не получая ясного ответа, он тут же заподозрил Стюарта в содействии побегу разбойника и, вынув из-за пояса тяжелый пистолет, нанес ему по голове удар, от которого тот, по словам внука, никогда не мог вполне оправиться.

Когда ему несколько раз удалось уйти от преследования могущественного врага, Роб Рой стал и вовсе дерзок и заносчив. Он написал насмешливый вызов герцогу и пустил его по рукам, чтобы позабавить своих друзей за бутылкой. Этот документ читатель найдет в приложениях (Приложения к введению в данном издании опущены.). Написан он хорошим почерком и не особенно грешит против грамматики и правописания. Поясню читателям-южанам, что это была просто шутка потехи ради со стороны разбойника, слишком умного, чтоб на самом деле предлагать такую встречу. Письмо это было написано в 1719 году.

В следующем году Роб Рой сочинил другое послание, но не к чести своей, так как в нем он признается, что намеренно проигрывал игру во время гражданской войны 1715 года. Послание адресовано генералу Уэду, который был занят тогда разоружением горных кланов и прокладывал по стране военные дороги. Оно весьма примечательно. Автор его говорит, что он с искренней готовностью предложил бы свои услуги королю Георгу, если бы не опасался, что его по настоянию герцога Монтроза бросят в тюрьму за долги. Лишенный, таким образом, возможности встать за правое дело, он примкнул, признается он, к противной стороне – по правилу Фальстафа: в такое время, когда король испытывал недостаток в людях, а мятежники – в солдатах, постыдней было бы остаться праздным среди всей этой сумятицы, чем примкнуть к неправой стороне, будь она даже так черна, как только может быть черен мятеж. Невозможность для себя сохранить нейтралитет во время гражданской войны он выдвигает как нечто неоспоримое. В то же время, признаваясь, что вынужден принять участие в этом чудовищном мятеже против короля Георга, он приводит в свое оправдание то, что не только избегал выступать против войск его величества, но, напротив, доставлял им время от времени те сведения, какие мог собрать. Если требуется это подтвердить, он сошлется на его светлость герцога Аргайла. Как принял это послание Уэд, остается для нас неизвестным.

Роб Рой, по-видимому, продолжал вести свою прежнюю жизнь. Слава его между тем распространилась далеко за пределами того края, где он проживал. Еще при его жизни появилась в Лондоне его вымышленная биография под заглавием «Шотландский лиходей». Это грошовая брошюра, на обложке которой изображен великан-людоед с бородой чуть не по пояс; подвиги

его так же преувеличены, как его внешность. Переданы лишь немногие наиболее известные похождения нашего героя, да и то не слишком правдиво, а большая часть книжонки – сплошной вымысел. Очень жаль, что за эту превосходную тему не взялся Дефо, который занимался в то время подобными сюжетами, хотя не столь занимательными.

С годами Роб Рой становился все более миролюбив, а его племянник Глун Ду и большая часть его рода отказались от мелочных ссор с герцогом Монтрозом, в которых так отличался дядя. Политика этого именитого дома состояла в последнее время в стараниях привлечь к себе дикий род лаской, а не насилием, к которому бесплодно прибегали до сих пор. За низкую плату была предоставлена аренда многим из Мак-Грегоров, прежде получавшим землю в горных владениях герцога только путем захвата; и Гленгайл (или Черное Колено), продолжая собирать «черную дань», теперь выступал как начальник охраны из горцев, снаряженной на средства правительства. Он, говорят, неукоснительно воздерживался от открытых и незаконных набегов, какие предпринимал его родич.

Вероятно, после того как достигнуто было это временное спокойствие, Роб Рой стал думать о будущем. Он был воспитан в протестантской вере и долгое время придерживался ее; однако в последние годы жизни он принял католичество – может быть, следуя принципу миссис Кол, утверждавшей, что эта религия удобна для людей его профессии. Говорят, причиной своего обращения он выставлял желание уважить достойное семейство Перт, в то время строго державшееся католичества. Приняв, по его словам, имя герцога Аргайла, первого своего покровителя, он не мог отблагодарить графа Перт иначе, как признав его религию. Когда его донимали вопросами по этому поводу, Роб даже не пытался отстаивать догматы католицизма и признавался, что миропомазание при соборовании ему всегда казалось лишней тратой ульзи, то есть масла.¹⁴

В последние годы жизни Роб Роя его клан был вовлечен в ссору с другим, более сильным кланом. Стюарт Аппин, один из вождей клана этого имени, владел фермой в горах Балквиддера, называемой Инверненти. Мак-Грегоры из рода Роб Роя, притязавшие на нее по праву стародавнего владения, объявили, что будут всеми силами противиться поселению на ферме кого бы то ни было не из их рода. Стюарты явились с хорошо вооруженным отрядом в двести человек, решив отстоять свое право в бою. Мак-Грегоры приняли вызов, но не могли выставить равную силу. Роб, убедившись в численном перевесе противника, вступил в переговоры, где утверждал, что, дескать, оба клана – верные друзья короля Иакова и он, Мак-Грегор, не желал бы, чтобы они ослабляли свои силы междоусобицей: таким образом, передачу Аппину спорной территории Инверненти он поставил себе же в заслугу. Аппин соответственно поселил там арендаторами на льготных условиях Мак-Ларенов – семейство, стоявшее в зависимости от Стюартов; и, так как они славились силой и отвагой, можно было ждать, что они отстоят свои права, если Мак-Грегоры нападут на них. Когда спор был полюбовно разрешен в присутствии обоих вооруженных кланов, сошедшихся во всеоружии близ Балквиддерской церкви, Роб Рой, должно быть, опасаясь, как бы его род не сочли слишком покладистым, вышел вперед и сказал, что там, где собралось так много вооруженных храбрецов, позорно будет разойтись, не испытав своего искусства, а потому он берет на себя смелость пригласить любого из Стюартов сразиться с ним за честь своего клана. Зять Аппина, второй предводитель клана, Алластер Стюарт из Инвернахила, принял вызов, и они сразились на палашах и с круглыми щитами пред лицом своих сородичей.¹⁵ Поединок длился, пока Роб не был слегка ранен в руку, на чем и кончались обычно такого рода поединки – когда сражались не до смертельного исхода, а только «ради чести». Роб Рой опустил меч и поздравил своего противника – первого, кому довелось пролить

¹⁴ Такое утверждение приписывается в «Уэверли» разбойнику Доналду Бин Лину. (Прим. автора.)

¹⁵ По другим версиям, противником Роб Роя был при этом случае сам Аппин. В тексте я привожу версию Инвернахила, как я ее помню. Но я получил эти сведения в такие далекие годы, что, возможно, я и ошибаюсь. Инвернахил был ростом невысок, но отличался атлетическим сложением и превосходно владел мечом. (Прим. автора.)

его кровь. Победитель великодушно признал, что, не будь на его стороне преимущества молодости и ее спутника – ловкости, он едва ли одержал бы верх.

Это был, вероятно, последний воинский подвиг Роб Роя. Время его смерти точно неизвестно, но обычно считают, что он пережил 1738 год и умер в преклонном возрасте. Когда он увидел, что конец близок, он раскаялся в некоторых своих поступках. Его жена посмеялась над этими угрызениями совести и увещевала его умереть, как он жил, мужчиной. В ответ он стал ее укорять за неукротимые страсти и за те советы, какие она ему давала. «Ты сеяла раздор, – сказал он, – между мной и лучшими людьми страны, а теперь хочешь поселить вражду между мною и Богом».

Существует предание, вовсе не противоречащее вышеприведенному, если правильно понимать нрав Роб Роя, будто, лежа на смертном одре, он узнал, что его хочет навестить один человек, с которым он враждовал. «Подымите меня с постели, – сказал больной, – накиньте мне на плечи тартан и подайте мне меч, кинжал и пистолеты, чтобы никто не мог сказать, что враг видел Роб Роя Мак-Грегора беззащитным и невооруженным». Его недруг – как полагают, один из Мак-Ларенов (о которых речь уже была и еще будет ниже) – вошел и, рассыпаясь в любезностях, осведомился о здоровье своего грозного соседа. Роб Рой был холоден и надменно вежлив во время короткого свидания и, как только гость оставил дом, сказал: «Теперь все кончено – пусть волынщик сыграет *Ha til tulidh*» («Мы больше не вернемся»); и, говорят, он отошел в лучший мир, прежде чем была доиграна прощальная песнь.

Этот необыкновенный человек умер в постели, в своем доме, в приходе Балквиддер. Его похоронили там же на кладбище, где его могилу можно различить лишь по грубо высеченному на плите изображению палаша.

Роб Рой, конечно, сложная натура. Его принципиальность, смелость и осторожность – качества, столь необходимые для военного успеха, – оборачивались иногда пороками, в зависимости от того, как они применялись. Однако надо признать, что беззакония, какие он постоянно совершал, можно отчасти извинить его воспитанием; а что касается его политического непостоянства в эти смутные времена, так тут он мог бы сослаться на пример людей гораздо более могущественных, которым труднее простить то, что они становились игрушкой обстоятельств, нежели бедному, доведенному до отчаяния отверженцу. С другой стороны, в нем нередко проявлялись добродетели тем более похвальные, что они как будто не вязались с основными свойствами его характера. Занимаясь ремеслом вожака грабителей – или, говоря современным языком, атамана бандитов, – Роб Рой не был особенно мстителен и бывал даже гуманен в случае удачи. Над памятью его не тяготеют нарекания в жестокости, и если проливал он кровь, то не иначе, как в сражениях. Этот грозный разбойник, напротив, был другом бедных, помогал, чем только мог, вдовам и сиротам, всегда держал данное слово и умер, оплакиваемый дикой своей страной, где было немало людей, чьи сердца благодарили его за оказанные благодеяния и чьи непросвещенные умы не могли осудить его заблуждения.

Здесь, может быть, автору надлежало бы остановиться; однако судьба некоторых членов семьи Роб Роя так необычайна, что соблазняет нас продолжить наш затянувшийся рассказ, ибо она представляет одну из интересных глав, рисуя нам не только нравы горцев, но и всю жизнь общества на той его стадии, когда первобытное полуцивилизованное племя вступает в соприкосновение с народом, у которого цивилизация и государственность достигли полного развития.

У Роба было пять сыновей – Кол, Роналд, Джеймс, Дункан и Роберт. С тремя из них не произошло ничего достопримечательного; но Джеймс, который был очень красив, кажется, унаследовал ум своего отца, а плащ Дугалда Киар-Мора покрыл, как видно, плечи Робина Оога, то есть юного Роба. Вскоре после смерти Роб Роя снова вспыхнула вражда между Мак-Грегорами и Мак-Ларенами, разжигаемая, говорят, вдовою Роба, которую муж ее, должно быть, по заслугам, называл неугомонной Атэ, подстрекающей к кровавым спорам. Робин Оог

по ее наущению поклялся, что, как только он получит обратно ружье, принадлежавшее раньше его отцу и недавно отданное в починку в Дун, он застрелит Мак-Ларена за то, что тот осмелился поселиться на земле его матери.¹⁶ Он сдержал слово и выстрелил в Мак-Ларена, когда тот шел за плугом, смертельно ранив его.

Прибегли к помощи лекаря-горца, который исследовал рану зондом, сделанным из кастока, то есть из кочерыжки или сурепицы. Ученый джентльмен объявил, что не решается прописать лечение, потому что не знает, какою пулей ранен пациент. Мак-Ларен умер, и вскоре за тем его коровам подрезали сухожилия, а весь мелкий скот перебили самым варварским способом.

Робин Оог после этого убийства, объясняемого одним из его биографов как нечаянный ружейный выстрел, удалился в дом своей матери, похваляясь, что первый пролил кровь в этой давней ссоре. Когда же подоспели милиция и отряд Стюартов (обязанных встать на защиту своего арендатора), Робин Оог скрылся, и его не нашли.

Вышеупомянутого лекаря, по имени Каллам Мак-Инлестер, вместе с Джеймсом и Роналдом, братьями действительного виновника преступления, привлекли к суду. Им, однако, удалось представить дело как безрассудный поступок «полоумного парнишки Роба», за которого они не ответственны, и суд признал их соучастие в убийстве недоказанным. Обвинение в истреблении и изувечении скота Мак-Ларенов также отпало за отсутствием доказательств. Но так как было все же установлено, что оба брата, Роналд и Джеймс, слывут грабителями, их присудили внести залог в размере двухсот фунтов стерлингов в обеспечение их доброго поведения на ближайшие семь лет.

Так силен был в то время дух общности клана и так соблазнительно было приобрести крепких и отважных приверженцев – то, что у шотландцев называлось «порядочными людьми», – что представитель благородного семейства Перт соизволил открыто взять Грегоров под свою эгиду и выступил на суде в качестве их покровителя. Так по крайней мере сообщил автору покойный Роберт Мак-Интош, эсквайр и адвокат. Впрочем, возможно, что это произошло не в 1736 году, при первом судебном разбирательстве, а позднее.

Робин Оог некоторое время служил в 42-м полку и принимал участие в битве при Фонтенуа, где был ранен и взят в плен. Он был обменен, вернулся в Шотландию и вышел в отставку. Позднее он открыто появился в стане Мак-Грегоров и, невзирая на то, что был объявлен вне закона, женился на дочери Грэма из Дрэнки, довольно состоятельного джентльмена. Жена его умерла несколько лет спустя.

Вскоре после этого Мак-Грегоров снова призвало к оружию восстание 1745 года. Роберт Мак-Грегор из Гленкарноха, общепризнанный глава всего рода и дед сэра Джона, которого клан принял своим вождем, собрал полк Мак-Грегоров и встал под знамена кавалера. Однако склонное к независимости племя Киар-Мора, во главе которого стояли Гленгайл и его родственник Джеймс Рой Мак-Грегор, не примкнуло к полку своего клана, а временно – впредь до прибытия из Франции Уильяма Мак-Грегора Драммонда из Болхалдина, которого они считали главой их ветви клана Алпайн, – присоединилось к отрядам номинального герцога Перта. Чтобы скрепить союз, Джеймс, по обычаю горцев, отказался от имени Кэмбел и принял имя Драммонда, в честь лорда Перта. Его называли также Джеймс Рой по отцу и Джеймс Мор (то есть большой Джеймс) за высокий рост. Его отряд, собранный из остатков банды его отца Роба, развил бурную деятельность; с какими-нибудь двенадцатью молодцами сыну Роб Роя удалось захватить и сжечь во второй раз форт Инверснейд, сооруженный именно с целью обуздать Мак-Грегоров.

¹⁶ Много лет спустя, когда Робин Оог был захвачен властями, это злополучное ружье было у него отобрано. Оно осталось во владении судьи, к которому Робина привели на допрос, а теперь входит в небольшую коллекцию оружия, принадлежащую автору. Это ружье испанского образца, с меткою R.M.C. – то есть Роберт Мак-Грегор Кэмбел. (Прим. автора.)

В точности неизвестно, какое воинское звание было присвоено Джеймсу Мак-Грегору. Сам он называет себя майором, а кавалер Джонстон называет его капитаном. Он, вероятно, был чином ниже Глун Ду, своего двоюродного брата, но деятельный и смелый нрав возвысил его над всеми его родными братьями. Многие из его сподвижников были невооружены: нехватку ружей и сабель он восполнял резаками кос, насаженными торчком на косовище.

В битве у Престонпенса Джеймс Рой отличился. «Горцы из его отряда, – говорит кавалер Джонстон, – своими косами нанесли противнику большой ущерб». Они подсекали ноги коням, а всадникам вспарывали животы. Мак-Грегор был смел и бесстрашен, но в то же время свое-нравен и чудаковат. Бросившись с отрядом в атаку, он получил пять ран, из них две огнестрельных; пули прошли навывлет. Вытянувшись на земле и опираясь на руку, он громко закричал горцам своего отряда: «Ребята, я еще жив! Я, черт возьми, увижу, если кто из вас не выполнит свой долг!» Сражение, как известно, было быстро выиграно.

Из любопытных писем Джеймса Роя¹⁷ явствует, что в этом деле он получил перелом берцовой кости, но, несмотря на это, присоединился к армии с шестью своими отрядами и участвовал в неудачной битве при Каллодене. После этого поражения клан Мак-Грегоров слил свои силы в один полк и не рассеивался до возвращения на родину. Джеймса Роя принесли на носилках; и ему без особых затруднений разрешили поселиться вместе с братьями в стране Мак-Грегоров.

Джеймс Мак-Грегор Драммонд, наравне с более значительными деятелями, был обвинен в государственной измене. Но он, видимо, вступил в сношения с правительством, так как в указанных выше письмах упоминает об охранный грамоте, полученной им в 1747 году от вице-президента Верховного суда и служившей ему достаточной защитой от милиции. Об этом говорится в одном из писем довольно смутно; однако, подкрепленное позднейшими происшествиями, это обстоятельство наводит на подозрение, что Джеймс, как и его отец, умел служить и нашим и вашим. Когда смута в стране утихла, Мак-Грегоры, подобно лисам, ускользнув от собак, забились в свои старые норы, где их никто не трогал. Но одно жестокое преступление, совершенное сыновьями Роб Роя, навлекло наконец на их дом кару закона.

Джеймс Рой был женат и имел четырнадцать детей. Брат же его, Робин Оог, овдовел; и было решено, что он попытается приобрести себе состояние, похитив какую-нибудь состоятельную женщину из Нижней Шотландии и женившись на ней – если понадобится, так силой.

Мысль о насилии такого рода не так возмущала умы полудиких горцев, как можно бы ожидать при той учтивости, какую они неизменно оказывали представительницам слабого пола, когда те входили в их собственную семью. Но, по их понятиям, они жили в состоянии войны; а на войне, со времени осады Трои и со дня, «когда Превиза пала»,¹⁸ женщины-пленницы были для нецивилизованных победителей наиболее ценной частью добычи –

Богатому гибель, красивой – пощада.

Нам не нужно ссылаться ни на похищение сабинянок, ни на сходный случай, описанный в «Книге судей», для доказательства, что подобные насильственные действия совершались достаточно часто. Такого рода предприятия были настолько обычным делом в горной Шотландии, что они составили предмет множества песен и баллад. Летописи как Ирландии, так и Шотландии подтверждают, что такое преступление свершалось сплошь да рядом в наиболее беззаконных частях обеих стран; и если женщина приглянулась смелому человеку из хорошего дома, имевшему горсточку преданных друзей и убежище в горах, ей ничего не оставалось, как сказать «да». Более того, сами женщины, казалось бы, наиболее заинтересованные в неприкос-

¹⁷ Опубликовано в «Блэквудз мэгэзин», т. II, стр. 228. (Прим. автора.)

¹⁸ «Паломничество Чайлд Гарольда», песнь II. (Прим. автора.)

новенности слабого пола, привыкли (особенно в низших слоях) смотреть на такие замужества как на то, что сейчас называют «обращением милой Фанни», а вернее бы сказать – «обращением Доналда с милой Фанни». Не так давно одна почтенная женщина – и отнюдь не из низшего класса общества – резко отчитала автора, когда он позволил себе осудить поведение Мак-Грегоров в этом случае. Незачем, заявила она, предоставлять невесте свободу выбора; в былые дни самыми счастливыми были браки, совершавшиеся на скорую руку. И в заключение она меня уверила, что ее собственная мать никогда не видела ее отца «до той ночи, когда он привез ее из Леннокса вместе со стадом крупного скота в десять голов, а не было пары счастливей по всей округе».

Джеймс Драммонд с братьями, придерживаясь того же мнения, что и старая знакомая автора, при обсуждении вопроса, как бы поправить расстроенные дела своего клана, решили закрепить за братом богатство через выгодный брак и для этого женить Робина Оога на некоей Джин Кей, или Райт, женщине лет двадцати, овдовевшей месяца два тому назад. Ее собственность оценивалась всего в шестнадцать – восемнадцать тысяч мерков, но представляла для этих людей достаточный соблазн, чтобы склонить их на тяжкое преступление.

Несчастливая молодая женщина жила вместе с матерью в собственном доме в Эдинбилли, в приходе Балфрон, графства Стерлинг. В ночь на 3 декабря 1750 года сыновья Роб Роя с Джеймсом Мором и Робинот Оогом во главе ворвались в дом, где проживал предмет их притязаний, и, пригрозив ружьями, саблями и пистолетами мужскому составу семьи, нагнали страху на женщин угрозой взломать дверь, если им не выдадут Джин Кей, так как «брат его молод (слова Джеймса Роя) и решил разбогатеть». Вытащив наконец свою жертву из того места, где она укрылась, они отняли ее у матери, посадили на лошадь перед одним из участников набега и увезли, невзирая на вопли и стоны, которые слышались еще долго после того, как отряд скрылся с глаз перепуганных свидетелей похищения. Пытаясь бежать, несчастная женщина спрыгнула с лошади и сломала ребро. Тогда ее перекинули через седло и везли так по болотам и кочкам до тех пор, пока боль в боку, усилившаяся от неудобной позы, не принудила ее смириться и сесть прямо в седло. На обратном пути преступники останавливались во многих домах, но никто из обитателей не посмел вмешаться в их действия. Среди тех, кто их видел, известный знаток античной словесности профессор Уильям Ричардсон из Глазго, ныне покойный, который описал их дерзкое, шумное вторжение в его жилище как страшный сон. Горцы заполнили всю кухню, размахивали оружием, требовали, чего хотели, и получали все, что требовали. Джеймс Мор, по словам профессора, был высоким, суровым человеком воинственного вида; Робин Оог имел более привлекательную внешность: смуглый, с ярким румянцем – красивый молодой дикарь. Их жертва – в истерзанном платье, растерянная, жалкая на вид – была ни жива ни мертва.

Шайка отвезла несчастную женщину в Роуерденнан, где сыскался священник, не постеснявшийся совершить обряд венчания, пока Джеймс Мор силой удерживал невесту у алтаря; и священник объявил чету мужем и женой, как женщина ни возражала против его постыдного поведения. Понуждаемая теми же угрозами, с какими разбойники до сих пор выполняли свой замысел, несчастная жертва поселилась у самозванного супруга, силой навязанного ей. Преступники дерзнули даже привести ее при всем народе в Балквиддерскую церковь, где священник, отправлявший службу (тот самый, что был у Роб Роя на иждивении), спросил только об одном – состоят ли молодые в браке. Роберт Мак-Грегор ответил утвердительно, запуганная женщина промолчала.

В ту пору Горная Страна уже настолько подчинилась закону, что насильники, совершив свое гнусное дело, не смогли извлечь из него выгоду. По всем направлениям были разосланы воинские отряды для поимки Мак-Грегоров, которым пришлось в течение двух-трех недель переходить с места на место, каждый раз уводя с собой и несчастную Джин Кей. Между тем Верховный гражданский суд наложил секвестр на собственность Джин Кей, или Райт, лишив

преступников возможности получить ожидаемую награду. Они, однако, еще питали надежду, что несчастная женщина, подавленная всеми этими бедствиями, предпочтет подчиниться и признать Робина Оога своим супругом, нежели покрыть себя позором, открыто явившись в суд с такого рода иском. Пойти на такое дело было и впрямь не просто, но их сородич Гленгайл, прямой глава их семьи, был врагом беззакония;¹⁹ а так как друзья пленницы прибегли к его заступничеству, Мак-Грегори убоялись, как бы он не лишил их своего покровительства, если они не отпустят Джин Кей на свободу.

Поэтому братья решили освободить свою пленницу, но предварительно испробовали все способы принудить ее, под влиянием страха и других побуждений, признать свой брак с Робин-ном Оогом. Старые шотландские ведьмы давали ей снадобья, которые должны были подей-ствовать как любовный напиток, но не принесли ничего, кроме вреда. Джеймс Мор одно время угрожал ей, что если она не признает брак, то в Горной Стране найдется достаточно мужчин, способных снести головы двум ее дядям, предъявившим гражданский иск. В другой раз он упал перед ней на колени и, признавшись, что причастен к похищению, умолял ее не губить его неповинную жену и все его многочисленное семейство. Ее заставили дать клятву, что она не будет преследовать братьев судом за свою обиду; и разными угрозами принудили подписать поданные ей бумаги, где говорилось, что ее увезли в согласии с высказанным ею же самой пожеланием.

После этого Джеймс Мор Драммонд доставил свою мнимую невестку в Эдинбург, где некоторое время ее переводили из дома в дом, оставляя под присмотром хозяев и не разре-шая ей ни выходить одной на улицу, ни хотя бы подходить к окну. Верховный гражданский суд, принимая в соображение необычайные обстоятельства дела и полагая, что Джин Кей по-прежнему действует по принуждению, взял ее под свою опеку и определил ей местопребыва-ние в семье мистера Уайтмена из Молдсли, почтенного джентльмена, женатого на ее близкой родственнице. Двое часовых день и ночь охраняли дом – предосторожность едва ли излишняя, когда дело шло о Мак-Грегорах. Ей было дозволено ходить, куда она захочет, и видеть, кого пожелает, в том числе и стряпчих, выступавших в гражданском процессе с той и другой сто-роны. Когда она только что пришла в дом мистера Уайтмена, она казалась от страха и муче-ний крайне подавленной; лицом она настолько изменилась, что родная мать едва узнала ее, и настолько повредила умом, что сама не сразу признала родителей. Долгое время ей не могли внушить, что она в безопасности. Когда же она наконец в этом уверилась, она подала в суд заяв-ление, так называемое *affidavit*,²⁰ в коем изложила свои обиды, приписав страху прежнее свое молчание и высказав решение не преследовать своих обидчиков из уважения к клятве, которую вынудили у нее. Нарушение такой клятвы, пусть даже принудительной, ей облегчали самые формы шотландского правосудия, в этом отношении более беспристрастного, чем английское, так как уголовное преследование всегда производится от лица и за счет правительства, причем пострадавшая сторона не платит судебных издержек и не подвергается никаким неприятно-стям. Однако несчастная страдала не дожила до дня, когда ей предстояло выступить истицей или свидетельницей против своих обидчиков.

Джеймс Мор Драммонд уехал из Эдинбурга, как только полумертвую добычу вырвали из его когтей. Миссис Кей, или Райт, освободили из ее своеобразного заключения и под охраной мистера Уайтмена привезли в Глазго. Проезжая с нею мимо горы Шотс, он заметил: «Место это очень дикое – что, если Мак-Грегори нападут на нас?» «Боже упаси, – вырвалось у нее, – один вид их меня убьет!» Она осталась жить в Глазго, не решаясь вернуться в свой дом в Эдинбилли. Ее мнимый супруг несколько раз пытался добиться свидания с нею, но она неизменно откло-

¹⁹ Таким, во всяком случае, он прослыл, и когда Джеймс Мор во время нападения в Эдинбилли с целью запугать сопротивляющихся закричал, что Гленгайл залег поблизости с отрядом в сто человек, чтобы прийти ему на помощь, Джин Кей сказала, что он лжет, так как она никогда не поверит, чтобы Гленгайл потакал такому злодейскому поступку. (Прим. автора.)

²⁰ письменное показание, подкрепленное только присягой (лат.).

няла его просьбы. 4 октября 1751 года она умерла. В донесении суду говорится, что ее смерть, возможно, явилась следствием дурного обращения. Но есть сведения, что она умерла от оспы.

Тем временем Джеймс Мор, или Драммонд, попал в руки правосудия. Его признали зачинщиком всего дела. Более того, покойная в свое время сообщила друзьям, что в ночь похищения Робин Оог, тронутый ее слезами и стонами, уже почти согласился отпустить ее, но тут подоспел Джеймс с пистолетом в руке и спросил, неужели он такой трус, что выпустит из рук счастье, ради которого он, Джеймс, пошел на такой риск; и Робин подчинился брату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.